Ужасно скандальный брак

Автор:
Джоанна Линдсей

Ужасно скандальный брак

Джоанна Линдсей

Королева любовного романа

Когда-то богатый и знатный Себастьян Таунсенд считал Маргарет Ландор просто смешной девчонкой, по-детски им восхищавшейся…

Теперь, после суровых испытаний, выпавших на его долю, Себастьян снова встречается с Маргарет, и по воле судьбы они вынуждены выдавать себя за супругов – ведь только так им удастся спасти отца Себастьяна, за которым охотятся таинственные убийцы…

Однако «маскарад любви», который разыгрывают Себастьян и Маргарет, постепенно превращается в любовь подлинную – страстную и нежную.

Джоанна Линдсей

Ужасно скандальный брак

© Johanna Lindsey, 2005

© Перевод. Т.А. Перцева, 2006

© AST Publishers, 2017

* * *

Ларри и Дженнифер.

Вы нашли любовь.

Храните ее вечно

Пролог

1808 год, Англия

Они встретились на рассвете. На узкой поляне среди деревьев, чуть поодаль от лесной тропинки. Место неприметное, но тем не менее хорошо известное. Древний валун, частично скрытый кустарником, почти два фута в окружности, как считалось, стал своеобразным памятником на поле какой-то давно забытой битвы. В округе его называли Дуэльным камнем.

Всем было известно, что здесь произошло не менее семи дуэлей. Шептались, правда, что их было гораздо больше, но подтверждения тому не находилось. Разумеется, на юге Англии было немало мест, где мужчины могли бы уладить свои разногласия, но такого знаменитого, как Дуэльный камень, еще не встречалось. Ради защиты своей чести аристократы приезжали в Кент из самого Лондона.

Себастьян Таунсенд и его лучший друг Джайлз облазили здесь все тропинки еще детьми, очарованные легендами о кровавых деяниях. Они были соседями и выросли в поместьях с общими границами. Дуэльный камень лежал совсем неподалеку от их домов, так что для Джайлза вполне естественным было выбрать именно эту поляну, после того как Себастьян сообщил другу, что тот, к сожалению, женился на отъявленной шлюхе.

Джайлз, разумеется, ударил его, на что имел полное право. Себастьян не должен был рубить с плеча. Извиняло его только неподдельное потрясение. Он и в самом деле был шокирован, узнав, что, ничего не подозревая, переспал с молодой женой Джайлза.

Но откуда ему было знать, черт побери? Этой женщине не следовало одной приезжать на тот званый вечер в Лондоне. Не стоило производить впечатление вполне доступной особы. Не стоило представляться только по имени: Жюльетт. Но и это еще не все. Она бессовестно флиртовала с ним и намекала, что они должны встретиться наедине, чтобы получше узнать друг друга.

Себастьян пришел в полный восторг. Новое лицо, прелестная, утонченная, элегантная женщина, знающая, чего хочет, и готовая идти на все, чтобы этого добиться. Он был рад угодить. И она ни разу, ни словом, ни поступком не дала понять, что замужем.

Эта торопливая женитьба была опрометчивым шагом со стороны Джайлза. Так на него не похоже! В то время у него была невеста: богатая наследница, восхитительная, милая девушка Элинор Ландор. Поэтому Джайлз не торопился сообщить новости отцу и снял жене квартиру в Лондоне, сказав, что это временно, пока он не найдет способа все объяснять бывшей невесте. Так что по всем правилам приличия Жюльетт никак не должна была оказаться на этом званом вечере одна, без мужа.

Джайлз явился в дом Себастьяна, чтобы обвинить того в предательстве. Молодая жена, чья измена была несомненной, со слезами призналась во всем, но винила в случившемся Себастьяна, заявив, будто он соблазнил ее, а Джайлз, обезумевший от ярости, не желал слушать объяснений друга.

– Дуэльный камень, на рассвете, – бросил он, прежде чем выйти из дома.

Вызов был брошен в холле Эджвуда, родового дома Таунсендов, в тот момент, когда Себастьян спустился вниз. К несчастью, Дуглас, отец Себастьяна, тоже появился в холле, привлеченный криками и шумом ссоры. Он не рассердился, но в глазах застыли разочарованность и недовольство старшим сыном, и это глубоко ранило Себастьяна. Он не мог припомнить ни единого случая, когда дал бы отцу причину стыдиться его… до этой минуты.

Дуглас Таунсенд, восьмой граф Эджвуд, женился рано, и недавно ему исполнилось всего сорок три года. Высокий брюнет с янтарными глазами, он был предметом вожделения всех окрестных невест, но, к досаде местных свах, упорно отказывался жениться после смерти супруги.

Оба сына-погодки, Себастьян и Дентон, унаследовали от него впечатляющий рост и красивую внешность. Себастьяну в то время было всего двадцать два, и казалось, он должен был хорошо ладить с младшим братом, но этого не произошло. Себастьян был куда ближе с лучшим другом, Джайлзом Уимиссом, чем с Дентоном. Не то чтобы он не любил брата. Но Дентон был ревнив и завистлив, чего почти не скрывал. С годами положение ухудшалось, и теперь Дентон превратился в озлобленного молодого человека, топившего воображаемые обиды в вине. Слишком тяжело было сознавать, что ты никогда не поднимешься выше простого лорда только потому, что имел несчастье родиться вторым. В отличие от Себастьяна Дентон часто давал отцу поводы для недовольства.

– Полагаю, ты не знал, что эта женщина – жена Джайлза, – со вздохом сказал Дуглас.

– Господи Боже, да никто понятия не имел, что он женился, когда вместе с Дентоном ездил во Францию! Даже Дентону ничего не было известно, или с него взяли слово молчать, потому что он ничего мне не сказал, когда я приехал в Лондон повидаться с ними. Мало того, Джайлз не признался ни мне, ни своим родным. Очевидно, он тайно поселил ее в Лондоне с самого возвращения в Англию, чтобы найти тактичный способ порвать с невестой, прежде чем та услышит новости от местных сплетников. Я не знал, что эта женщина замужем, тем более за Джайлзом.

– Но ты спал с ней?

Себастьян покраснел, безумно жалея, что не сможет отрицать очевидной истины.

– Д-да.

– В таком случае поезжай за ним, объясни свою роль во всей этой истории, делай все, чтобы помириться с Джайлзом, чего бы это ни стоило. Но дуэли не будет. Я

запрещаю. Он не какой-то случайный знакомый. Вы двое с детства были неразлучны, совсем как мы с Сесилом. А он – единственный сын Сесила.

Себастьян и без того собирался поступить именно так, и не только потому, что любил Джайлза как брата. За минуту до того, как он вышел из комнаты, отец выразился достаточно ясно:

– Я слишком хорошо знаю тебя, Себастьян. Если хотя бы волос упадет с головы Джайлза, ты не сможешь примириться с собой.

К несчастью, зло уже вступило в свои права. И ничего нельзя было поделать. Невозможно объяснить. Себастьян хорошо понял это, пока мучительно размышлял о том, как вернуть расположение друга. Его объяснения еще больше обозлили Джайлза. Тот просто ничего не желал слушать. Неизвестно, верил ли он Себастьяну или нет, но все сводилось к одному простому факту: тот спал с его женой.

Утро выдалось хмурым и дождливым. Ливень начался несколько часов назад и с тех пор хлестал с неослабевающей силой. Теодор Палли, секундант Себастьяна, втайне надеялся, что из-за этого дуэль не состоится. Он был только косвенным участником, но вел себя так, будто вот-вот растает, если дождь не прекратится. Правда, заставлял его нервничать не столько дождь, сколько оглушительные раскаты грома. Пытаясь заглушить страх, он непрерывно болтал. Себастьян старался не отвечать. Он словно онемел. Долгой бессонной ночью он решил, что делать. То единственное, чем можно себя оправдать. В конце концов, не впервые мужчина идет на дуэль с намерением умереть.

Джайлз запаздывал. Теодор предложил уехать, но тут появились Джайлз с незнакомым Себастьяну секундантом.

– Не смог найти чертову тропинку в такую погоду, – пояснил Джайлз.

Теодор, жаждавший поскорее убраться в тепло и под крышу, поспешил предложить:

– Не находите, что лучше отменить дуэль? Подождать, пока небо не прояснится?

– В это время года? – возразил второй секундант с едва различимым акцентом. – Когда это самое небо еще прояснится?

– Мы будем драться сейчас, или я убью его, – процедил Джайлз.

А Себастьян так мечтал, что до утра гнев друга немного остынет, а вместе с этим придет и понимание того, что оскорбление было причинено ненамеренно. Но Джайлз, похоже, по-прежнему был в ярости.

– В-верно, – пробормотал Теодор, откашлявшись. – В таком случае не будем медлить.

Секундант поднес Себастьяну для осмотра пистолеты Джайлза, но тот раздраженно отмахнулся. Настала очередь Джайлза. Того, как оказалось, заинтересовало только одно – заряжено ли оружие. Значит, понимает, что Себастьян не собирается его убивать!

– Готовьтесь, джентльмены.

Они стояли спина к спине. Дуэльный кодекс требовал молчания в такой момент, но раскаяние вырвало из глотки Себастьяна одно слово:

– Прости…

Джайлз не ответил. Не показал виду, что слышит.

Полагающиеся инструкции были даны. Начался отсчет шагов.

Дождь лил по-прежнему. Гром не унимался – его раскаты оглушали окрестности каждые несколько минут. Но мрак рассеялся, и в сером свете хмурого утра уже можно было разглядеть противника. Послать пулю ему в сердце.

Дуэлянты отошли на требуемое количество шагов. Каждый держал пистолет дулом вниз. Приказ повернуться, прицелиться…

Себастьян повернул дуло пистолета в небо, намереваясь выстрелить куда угодно, только не в Джайлза. Но едва прозвучала команда стрелять, как Джайлз

спустил курок, задев подмышку Себастьяна, как раз в тот момент, когда он хотел выстрелить. Джайлз славился своей меткостью, но на этот раз удача явно ему изменила: с такого близкого расстояния он мог бы без особого труда убить противника. Рана, нанесенная им, оказалась совсем легкой, но рука Себастьяна от неожиданности дернулась. Пуля вылетела из пистолета; звук выстрела эхом отдался среди деревьев, вторя очередному раскату грома. По всем законам Себастьян должен был промахнуться. Но вместо этого поразил друга в грудь.

И потрясенно увидел, как Джайлз медленно опускается на землю. Его удивленное лицо будет вечно преследовать Себастьяна в кошмарных видениях. Ужас и потрясение пригвоздили его к месту, когда секундант Джайлза нагнулся, чтобы осмотреть раненого, после чего выпрямился и покачал головой.

– Я уведомлю его отца, – произнес он. – Полагаю, вам следует сообщить вашему.

– Но ведь вы не собирались стрелять в него, верно? – удивился Теодор. – Что заставило вас передумать?

Он хотел сказать еще что-то, но, увидев кровавое пятно на рукаве Себастьяна, догадался:

– Так вот в чем дело! Какое чертово невезение, не так ли… вернее, феноменальное везение, в зависимости от того, как на это взглянуть.

Себастьян не ответил. Честно говоря, он не слышал ни единого слова. Невозможно описать, что он испытал, осознав, что убил лучшего друга. Скорбь, горе, ярость душили его. И угрызения совести, настолько мучительные, что навсегда пустили корни в его сердце. Предстояло еще объясняться с отцом, пока не знавшим, что сын ослушался его. Как признаться, что его план очиститься от вины, погибнув самому, позорно провалился?

Себастьян должен был умереть там, у Дуэльного камня. Собственно говоря, так оно и вышло.

Глава 1

Подобно многим городам и деревням Австрии, Фельбург тоже мог похвастаться церквами, площадью, фонтанами и очаровательными скверами в стиле барокко. Но в противоположность Вене, ошеломлявшей и потрясавшей с первого взгляда, Фельбург предлагал своим гостям мир и покой. Именно поэтому Себастьян Таунсенд, только что переваливший через Альпы, решил провести здесь ночь.

Недавно законченная работа вызвала чувство привычной досады. Пришлось ехать сначала из Франции в Италию, потом снова во Францию, в Венгрию и, наконец, в Вену. Требовалось вернуть похищенные очень редкие книги, увезенные бежавшей от мужа женой. Его наниматель вовсе не желал вернуть блудную супругу. Только книги. Себастьян выполнил задание. Правда, жена отнюдь не горела желанием вернуть ценности. Пришлось пойти на кражу.

Не слишком приятная миссия, хотя не такая гнусная, как некоторые из тех, что поручались ему за все эти годы, прошедшие с его отъезда из Англии. Что ж, первое время разборчивым быть не приходилось. Тогда он словно окаменел. Ему было все равно. Лишенный наследства, выгнанный из дома, Себастьян, чья душа, казалось, была навеки отравлена горечью, стал человеком, шутить с которым опасно. Для того чтобы ценить жизнь, нужно иметь причины жить. Свою жизнь он ценил не слишком высоко.

Когда-то все было иначе. Богатство, титул, верные друзья и семья… Жизнь казалась почти волшебной. Природа наградила его высоким ростом, привлекательной внешностью и великолепным здоровьем. Чего еще желать? У него было все… до того, как он убил лучшего друга на дуэли и получил от отца приказ никогда больше не осквернять берегов Англии своим присутствием.

Себастьян не вернулся. Поклялся никогда не возвращаться. Из своих тридцати трех лет одиннадцать он вел бродячую жизнь, и конца этому не было.

Если бы спросили, где его дом, он назвал бы Европу, но какого-то определенного, любимого места у него не было. Он успел объездить все страны на континенте, посетил Африку и Азию. Говорил на всех основных языках и еще некоторых, менее известных. Он мог позволить себе осесть, купить дорогое поместье, поскольку, хотя оставил дом всего с парой фунтов в кармане, выполненные им задания щедро оплачивались, а тратиться было особенно не на что. Его вполне можно было назвать богатым человеком, но сама мысль о доме неприятно напоминала о прошлом. Поэтому Себастьян продолжал вести жизнь перекати-поля и редко проводил много времени на одном месте. Жил в

гостиницах и отелях, а когда работал, зачастую ночевал в чистом поле. Правда, купил землю на севере Франции, но только потому, что она была нужна для его дел. Обваливающиеся руины старого замка вряд ли можно было назвать домом. Нетронутой оставалась только подземная тюрьма, но даже она состояла из камер без дверей, с голыми стенами, а Себастьян, разумеется, не позаботился завезти туда самую необходимую мебель. Он приобрел развалины главным образом для того, чтобы иметь место, куда потенциальные наниматели могли бы обратиться и оставить записку у слуги, который постоянно там жил. И еще потому, что ему нравилось тешить свою фантазию.

Слишком напоминал этот разрушенный остаток былого величия его собственную жизнь.

Он путешествовал не один. Как ни странно, камердинер, Джон Ричардс, предпочел отправиться в ссылку со своим господином. Оказалось, что он обладает достаточно авантюрным складом характера и искренне наслаждается новой ролью. Он по-прежнему оставался камердинером Себастьяна, но заодно оказался бесценным источником информации. Как только они приезжали в новый город или поселок, Джон исчезал и возвращался со всеми необходимыми сведениями о местности и самых почтенных жителях. Он знал на два языка больше, чем хозяин, хотя говорил на них не так бегло, и постепенно стал незаменимым помощником в той сложной работе, которую вел Себастьян. Кроме того, последний считал его другом, хотя ни тот ни другой не признавались в этом. Джон почти гордился положением слуги, пусть и привилегированного.

Теперь к ним присоединился и третий, крепкий десятилетний парнишка, называвший себя Тимоти Чарлзом. Он был англичанином, осиротевшим в прошлом году в Париже. Там они и встретили его во время неудачной попытки Тимоти очистить карманы Себастьяна. Джон пожалел мальчика, потому что тот напомнил ему о родине и оказался бездомным в чужом городе. Они посоветовались и решили оставить его у себя, по крайней мере до тех пор, пока не смогут найти для него достойных опекунов. Придется в ближайшее время этим заняться.

– Насколько я понимаю, это вас называют Вороном?

В этот момент Себастьян смаковал доброе австрийское вино в обеденном зале того постоялого двора, где они остановились. Мужчина, подошедший к нему, был похож на высокопоставленного чиновника. Средних лет, высок, безупречно

одет. За его спиной стояли двое, подозрительно смахивавшие на стражников – не платьем, достаточно простым, и не ростом, поскольку обоих можно было назвать коротышками. Но вот держались оба настороженно и старались следить не только за Себастьяном, но и за всеми находившимися в зале.

Себастьян только вскинул черную бровь и безразлично бросил высокому незнакомцу:

– У меня много прозвищ. Это одно из них.

Кроме того, он приобрел определенную репутацию, правда, сам того не желая, но приобрел, в основном стараниями Джона, и теперь его считали наемником, способным совершить невозможное. Он сам не знал, откуда взялась кличка Ворон. Возможно, всему причиной были темные волосы, янтарные глаза и всегда мрачное лицо. Впрочем, может, и она – дело рук Джона. И Джон никогда не упускал случая сообщить своим агентам, что Ворон в городе. Это часто позволяло заполучить клиента, который иначе никогда бы к нему не пришел.

– И вас можно нанять, не так ли?

– Обычно… когда цена подходящая.

– Наемник вашего калибра должен стоить дорого, – кивнул незнакомец. – Это понятно и без слов. Мой наниматель достаточно щедр и заплатит больше, чем вы попросите. Ну как, согласны?

– С чем именно? Я не иду на дело вслепую.

– Нет-нет, конечно, нет. Но задание очень простое и требует только времени и немного усилий.

– В таком случае я вам не нужен. Прощайте.

После такой отповеди лицо мужчины удивленно вытянулось. Себастьян встал и одним глотком осушил бокал. Он терпеть не мог вести переговоры с лакеями, какими бы напыщенными и важными они ни казались. И разумеется, простые задания ничуть его не интересовали: слишком часто он встречал богатых людей,

которые могли оплатить его услуги, чтобы потом хвастаться друзьям, что сам пресловутый Ворон был у них на посылках.

Себастьян попытался было отойти, но стражники преградили ему путь. Он не засмеялся. С некоторых пор юмор не входил в число черт его характера. Отравившая душу горечь, существование которой он отказывался признать, не оставляла места светлой радости. Однако его раздражало, что они не отступают и приходится силой пролагать себе дорогу.

Но прежде чем разразилась драка, чиновник поспешил вмешаться:

– Я должен настоятельно просить вас изменить решение. Герцог привык, чтобы его желания исполнялись. Он не потерпит отказа.

Себастьян и сейчас не засмеялся, хотя на этот раз ощутил нечто вроде потребности раздвинуть губы в улыбке. Тем двоим, которые осмелились задержать его, пришлось несладко. С ними он разделался просто, схватив обоих за шиворот и с силой столкнув лбами. Бедняги мешками свалились на пол. Себастьян поднял на чиновника спокойные глаза.

– Вам есть что сказать?

Тот с брезгливой миной уставился на стражников. Себастьян его не осуждал. Хороших охранников найти в наше время нелегко.

Чиновник снова вздохнул.

– Вы, герр Ворон, достаточно ясно дали понять свою точку зрения. Позвольте мне извиниться. Я намеренно приуменьшил всю важность дела, которое на первый взгляд кажется достаточно простым, но в действительности это далеко не так. Для выполнения этого задания посылалось немало людей, но все потерпели неудачу. Пять лет сплошных неудач. Я еще не заинтриговал вас?

– Нет, но получили право на несколько минут моего времени, – заметил Себастьян, снова садясь и жестом приглашая собеседника сделать то же самое. – Давайте покороче, но со всеми деталями.

Мужчина сел и неловко откашлялся.

– Я работаю на Леопольда Баума. Это его город, на случай если вам не известно. Как вы можете предположить, люди такого положения легко обзаводятся врагами. Это неизбежно. И один из таких врагов – его собственная жена.

– Она была его врагом, когда он женился?

– Нет, но прошло совсем немного времени, прежде чем это случилось.

– С ним так трудно поладить? – удивился Себастьян.

– Нет, разумеется, нет, – поспешил заверить чиновник. – Но сама она, вероятно, так считает. Перейдем к фактам. Пять лет назад ее похитили, по крайней мере так казалось на первый взгляд. Выкуп был затребован и получен, но герцогиня не вернулась. Предположили, что она убита. Герцог, разумеется, был в бешенстве. Были предприняты тщательные поиски, но никаких следов не нашли.

– Позвольте предположить, – сухо процедил Себастьян. – Она сама задумала так называемый план с похищением, чтобы получить состояние, прежде чем пуститься во все тяжкие?

Собеседник густо покраснел.

– Похоже, так оно и было. Несколько месяцев спустя, после того как был выплачен выкуп, стало известно, что она путешествует по Европе, ни в чем себе не отказывая. За ней были посланы люди. На этот раз следы отыскались, а вот она – нет.

– Так чего именно добивается герцог? Возврата жены, денег или того и другого?

– Деньги тут не важны.

– Если это так, почему не потратиться как следует и найти ее? Похоже, не слишком она ему нужна.

– Откровенно говоря, я вынужден с вами согласиться, – признался незнакомец. – Будь она моей женой, я приложил бы больше усилий, тем более что наследников еще предстоит дождаться.

Себастьян удивился, хотя внешне ничем этого не выказал, поняв, что сейчас должны последовать пояснения. Собеседник, кажется, немного занервничал, посчитав, очевидно, что слишком разоткровенничался.

– Нельзя сказать, что герцог совсем не прилагал усилий в розыске жены. Но он – человек занятой и не может тратить на это все свое время. Однако теперь он буквально одержим идеей разыскать жену, чтобы развестись и жениться во второй раз.

– А, наконец-то мы дошли до сути дела.

Бедняга снова вспыхнул, и его кивок на этот раз был едва заметен. Теперь причина его нервозности стала понятна. Вряд ли его хозяин будет доволен такой болтливостью.

– Когда герцог узнал, что вы в городе, его надежды вспыхнули с новой силой. Вы имеете репутацию человека, способного выполнить невыполнимое. Он твердо уверен, что вы найдете его жену и привезете домой.

– Если я соглашусь взяться за это дело.

– Но вы обязаны… – начал было собеседник, но тут же вспомнил, с кем имеет дело. – Неужели это кажется столь трудной задачей даже для вас?

Но Себастьян не поддался на лесть.

– Я не слишком люблю браться за те дела, в которых замешаны женщины. Кроме того, последнее поручение выполнено еще не до конца, и я возвращаюсь во Францию, чтобы завершить начатое.

– О, это не проблема, – облегченно выпалил мужчина. – Так или иначе, вам нужно двигаться именно в этом направлении. Небольшое отклонение от маршрута значения не имеет.

– Значит, именно во Франции герцогиню видели в последний раз?

– Да, след вел туда и дальше. У герцога длинные руки, поэтому она постаралась оказаться как можно дальше от Австрии.

– Возможно, она отправилась в Америку?

– Нет… по крайней мере мы на это надеемся. Нам известно, что женщина, соответствующая описанию герцогини, доплыла до Портсмута, а потом пересела на другое судно, идущее в глубь Англии. Там был еще один корабль, направлявшийся в Северную Америку, но, поскольку на борту ее не было, мы заключили, что она решила осесть в Англии под вымышленным именем. Больше отчетов не поступало. Те, кому было поручено найти герцогиню, так и не вернулись. Думаю, они просто побоялись предстать перед герцогом и признаться в неудаче.

Себастьян решил, что с него достаточно.

– К сожалению, я вынужден отказаться, – холодно объявил он, вставая. – Англия – единственное место в мире, где ноги моей не будет. Прощайте.

Он ожидал, что собеседник снова попытается его остановить. Но тот не шевельнулся, возможно, поняв, что это бесполезно. Вот и прекрасно. Там, где присутствует слабый пол, неприятностей не оберешься. Кроме того, не было случая, чтобы женщина не попыталась его соблазнить. Джон, которого это искренне забавляло, утверждал, что хозяин слишком красив для профессии наемника. Себастьян не соглашался. Все дело в его репутации, зловещей персоне Ворона и равнодушии к женщинам. Он всегда ставил на первое место работу, почти не думая об удовольствиях. Но у женщин было другое мнение. Заинтригованные таинственным наемником, они стремились к интимному знакомству, не желая дожидаться, пока тот закончит дело. Отсюда и все сложности.

Чувство долга у Себастьяна было врожденным, и, наверное, поэтому он так часто добивался успеха. Следует избегать всего, что отвлекает от работы. А женщины, пытающиеся обольстить его, несомненно, отвлекают от серьезных занятий. Пусть он больше не считает себя англичанином, но мужчиной все-таки остался. Так что это даже к лучшему, что он не может взяться за поручение

герцога.

Глава 2

Голова раскалывалась. Это первое, что ощутил Себастьян, проснувшись. И только после этого заметил, где находится. Не в уютной комнате постоялого двора, где он заснул прошлой ночью, а в темной, пахнущей сыростью тюремной камере. Свет факела проникал через маленькое зарешеченное оконце, освещая деревянную дверь, утоптанный земляной пол, чистый ночной горшок в углу и клопов, вылезающих из трещин в каменных стенах.

Средневековое душное помещение, правда, в немного лучшем состоянии, чем его собственная темница, а это значит, что оно чаще используется. Он и раньше бывал в тюрьмах, но более современных и никогда – в настоящих подземельях. Днем Себастьян успел увидеть старую крепость на холме над Фельбургом, поэтому точно знал, где оказался.

– Черт бы все это взял, – пробормотал он, хотя в абсолютной тишине бормотание прозвучало криком, на который последовал немедленный отклик.

– Это вы, сэр? – спросил Джон.

Себастьян попытался определить направление голоса и не смог. Шагнул было к двери, но слева донесся перепуганный писк Тимоти:

– Ворон, мне здесь не нравится. Очень не нравится. Нельзя ли нам уйти побыстрее?

И мальчика тоже? Это уж слишком! Сам Себастьян знал, почему оказался здесь. Не впервые кто-то пытается силой заставить его работать. В последний раз он попал в тюрьму по той же причине. Ублюдки всего мира мыслят одинаково.

– Они били тебя, Тимоти?

– Нет, – ответил мальчик, немного осмелев. – Только заткнули чем-то рот, связали и принесли сюда. Я всю ночь не спал.

– А как насчет тебя, Джон? – допытывался Себастьян.

– Небольшая шишка на голове, сэр, – сообщил Джон откуда-то справа. – Ничего страшного.

Ничего страшного? Дурное обращение он еще стерпит. Но когда издеваются над его людьми в надежде уломать его самого…

Себастьян не слишком часто поддавался гневу, но на этот раз не сдержался. Спокойно отошел, поднял ногу и с силой ударил в дверь. Дверь даже не дрогнула, хотя пыль с нее он наверняка стряхнул. Возможно, она не так стара, как камень, в который вделана.

Он уже внимательнее осмотрел комнату. Тумбочка с оловянным кувшином для воды и тазиком, на полке – сложенное полотенце. Вода свежая. На узком топчане лежит чистое белье, вернее, простыни из тонкого полотна. Тарелка с едой, подсунутая под дверь, возможно, выглядела аппетитно, прежде чем до нее добрались насекомые, – яичница, колбаса, хлеб с уже растаявшим маслом и несколько пирожков.

Похоже, их не собирались ни в чем ограничивать. Просто хотели воспрепятствовать отъезду. Гости, которых удерживают силой? Надолго ли? Пока он не согласится найти пропавшую герцогиню? Можно подумать, он не исчезнет в тот же момент, как переступит порог тюрьмы, невзирая на все соглашения!

Парень, который принес им обед, оказался немым или таковым притворялся. Не произнес ни единого слова и не ответил ни на один вопрос.

День тянулся, длинный и утомительный. Себастьян мысленно развлекался, воображая, как доберется до Леопольда Баума и как хрустнет тощая шея под его пальцами. Тимоти и Джон играли в слова, но поскольку приходилось перекрикиваться с разных концов тюрьмы, оба скоро охрипли.

Немой слуга доставил ужин, а от хозяина все еще не было никакого сообщения. Клецки с телячьими котлетами в сливочно-сырном соусе. Очень сытно, очень вкусно, типичный образец австрийской кухни… Герцог не поскупился даже на торт и бутылку красного вина. Себастьян оставил десерт насекомым и взял вино с собой в постель.

Следующие два дня прошли точно таким же образом. Значит, ему дают понять, какова отныне будет жизнь, если он не согласится на условия герцога? Неужели этот человек воображает, будто Себастьяна возможно уговорить подобным образом?

Леопольд Баум появился только на пятое утро их заточения. Очевидно, этот человек не любил рисковать. Сначала в камеру ввалились четыре гиганта стражника с пистолетами наготове. Один связал руки узника за спиной, остальные трое продолжали в него целиться. Вся эта толпа едва помещалась в маленькой камере.

Герцог оказался именно таким, каким его представлял Себастьян. Если, конечно, не считать возраста. Себастьян ожидал увидеть человека помоложе. Но герцог явно приближался к своему пятидесятилетию. Русые волосы были коротко острижены по последней моде. Свои длинные волосы Себастьян связывал на затылке, но только потому, что Джон совершенно не умел орудовать ножницами, а они слишком много путешествовали, чтобы регулярно посещать дорогие цирюльни. Зато герцог, очевидно, мог похвастаться своим парикмахером.

Проницательные, светящиеся умом голубые глаза. Довольно высок, но сильно раздобрел. Щеки начинают обвисать, но это почти незаметно под короткой густой бородой. Держится с достоинством, как человек благородного рода.

Себастьян предположил, что он только вернулся с прогулки верхом или собирается прокатиться, поскольку одет в нефритово-зеленую куртку и рыжевато-коричневые бриджи для верховой езды, а в руках держит стек, которым похлопывает по начищенным высоким сапогам.

Герцог приветливо улыбался, словно Себастьян был не заключенным, стоявшим под прицелом четырех пистолетов, а настоящим гостем.

– Надеюсь, условия вашего содержания удовлетворительны?

Себастьян и глазом не моргнул.

– Полы могли быть и деревянными, но, если не считать этой мелочи, я прекрасно отдохнул.

– Превосходно, – улыбнулся Леопольд. – Жаль, что мы не сумели договориться раньше, но, предполагаю, вы готовы приступить к работе.

– Боюсь, ваши выводы преждевременны.

Улыбка оставалась прочно приклеенной к лицу герцога. Очевидно, он был уверен, что возьмет верх. Себастьяну была пока что неясна причина этой уверенности. Оттого, что он будет сидеть в тюрьме, герцогиня скорее не отыщется. Впрочем, она не отыщется, даже если его выпустят.

– Вы незаконно удерживаете меня в тюрьме, – заметил он, – только потому, что я отказался работать на вас.

– Но вы здесь не поэтому, – приветливо пояснил Леопольд. – Видите ли, я могу назвать с десяток совершенных вами преступлений, за которые полагается смертная казнь. Хотя, подозреваю, даже это вас не поколеблет. Но давайте без мелодрам. Вы были моим гостем…

– Узником.

– Гостем, – повторил Леопольд. – Будь вы узником, поверьте, ваше пребывание здесь не было бы столь приятным. Но, может, я пришел слишком рано. Может, стоит вернуться на следующей неделе, проверить, не надоели ли вам вынужденные каникулы?

Себастьян наконец вскинул брови.

– А потом еще через неделю, еще и еще… Вряд ли это поможет найти вашу жену.

– Вы так упрямы? – искренне удивился герцог. – Но почему?

– Я уже объяснял вашему человеку, что не могу заняться этим делом из-за того, куда оно меня заведет. Я дал клятву никогда не возвращаться в Англию и не собираюсь ее нарушать ни за какие деньги.

– Но почему вы дали эту клятву?

– А вот это, ваша светлость, никого не касается.

– Понимаю, – задумчиво протянул Леопольд. – В таком случае, похоже, мне стоит воззвать к вашему сочувствию.

– Не трудитесь, – бросил Себастьян. – Человек моей профессии не может позволить себе такой роскоши, как сочувствие.

– Разумеется, нет, – рассмеялся герцог, – по крайней мере внешне. Но выслушайте меня, а там посмотрим.

Он попытался пройтись по камере, чтобы собраться с мыслями, но места было так мало, что пришлось оставить это занятие. Себастьян лениво задался вопросом, предстоит ли ему услышать правду или выдумку, рассчитанную на пробуждение так называемого сочувствия.

– Я женился по любви, но брак оказался несчастным, как мы оба вскоре обнаружили. Она могла получить развод. Ей стоило только попросить. Но вместо этого сбежала, разыграв похищение, чтобы получить возможность жить безбедно.

– Все это мне известно…

– Ничего вам не известно, – перебил Леопольд, вероятно, чуть резче, чем намеревался.

И в это мгновение с него слетела маска доброжелательного хозяина, и Себастьян увидел истинное лицо. Лицо вспыльчивого, властного тирана. Человек, считающий, что обладает безграничной властью, истинной или нет,

очень опасен. Себастьян понял, что недооценил свое положение.

– Почему вы не обратились к английскому правительству с просьбой найти ее? У них есть службы, которые прекрасно выполняют подобную работу. Это не поздно сделать и сейчас.

– Я – австрийский герцог, – пояснил Леопольд снисходительным и одновременно раздраженным тоном. – И не могу зависеть от милостей иностранных правительств. Я посылал людей. Бесчисленное количество раз. Вполне достаточная мера.

Себастьян едва не фыркнул, но вовремя успел сдержаться.

– Когда вы послали последнего?

Леопольд нахмурился и поднял глаза к небу, словно припоминая.

– В прошлом году… нет… два года назад, – выдавил он наконец.

Себастьян, презрительно морщась, тряхнул головой.

– Интересно, что я здесь делаю? Вы явно не желаете ее возвращения.

Леопольд гордо выпрямился.

– Дело в том, что я сдался и решил объявить ее мертвой. Но моя дорогая Мария не желает выходить за меня без развода или доказательств ее кончины. Боится, что потом мои наследники будут объявлены бастардами, если жене вздумается вернуться.

Ничего не скажешь, умная девушка… впрочем, не так уж и умна, если собирается выйти за этого типа. Но, может, с ней герцог станет совершенно другим человеком?

– Знай я, что на свете есть люди, подобные вам, – продолжал Леопольд, – давно бы все устроил. Ваш приезд дал мне новую надежду. Говорят, вы ни разу не потерпели неудачу. Идеальный послужной список, который просто требует

новой, блестяще выполненной задачи, не согласны? Или вы сделали карьеру только на простых поручениях, которые по плечу любому дураку?

– О, умерьте пыл, – бросил Себастьян. – Оскорбления на меня не действуют. Мой ответ все тот же по вышеуказанным причинам. Дело не в том, желаю я помочь или нет. Решающий фактор – местопребывание вашей жены.

– В таком случае позвольте мне добавить еще одно, – холодно выговорил Леопольд и взглянул на ближе всех стоявшего к двери стражника. – Иди убей второго… нет, он еще может пригодиться Ворону. Убей мальчишку.

Себастьян оцепенел, не веря собственным ушам. К сожалению, он ничуть не сомневался, что, если не склонится перед волей герцога, Тимоти через несколько минут будет мертв. Человеческая жизнь ничего не значила для подобных деспотов. Всего лишь средство добиться своего. Не сталкивайся он с людьми такого типа, мог бы посчитать, что герцог блефует. Но намерения последнего абсолютно серьезны, в этом можно не сомневаться.

Подавив взрыв своих эмоций, Себастьян бесстрастно обронил:

– Вы меня убедили. Оставьте ребенка в покое.

Леопольд кивнул, отозвал своего «волкодава» и снова заулыбался, пыжась от тщеславия и торжествуя победу. Неужели посчитал, что Себастьян выполнит вырванное у него силой обещание?

– Интересно, – приветливо заметил он, в полной уверенности, что добился покорности Себастьяна, – ведь мальчишка вам не родственник: по крайней мере мне доложили, что сходства между вами нет никакого. Почему вы готовы нарушить клятву ради него?

– Я взял на себя ответственность за него, пока мы не найдем ему добрых приемных родителей. Он сирота.

– Весьма похвально, – кивнул Леопольд. – Теперь, когда мы пришли к дружескому соглашению, вам понадобится это.

Он вынул из кармана миниатюрный портрет и уронил на топчан.

– Она взяла новое имя, но лица не изменишь.

Довольно спорное утверждение, но Себастьян не стал возражать.

– Какая она была?

– Вспыльчивая…

– По отношению не к вам, – уточнил Себастьян, – к другим.

– Вспыльчивая. И не важно, с кем при этом имела дело, – настаивал герцог. – Тщеславная, жадная, надменная, избалованная. Она из богатой семьи.

– Но почему не вернулась к родным, вместо того чтобы убегать?

– Они запретили ей выходить за меня замуж, – признался герцог, слегка краснея. – А когда она ослушалась, велели не показываться им на глаза. Она для них все равно что мертва.

А вот это задело его за живое. Если прежде Себастьяну было все равно, сейчас он симпатизировал беглянке.

– Прошу вас непременно ответить на следующий вопрос: те люди, которых вы посылали в Англию, убиты или просто боятся вернуться к вам с пустыми руками? Им угрожали наказанием в случае провала?

Герцог снова вспыхнул от гнева, но небрежно махнул рукой.

– Возможно, но какое это имеет значение?

– Для меня имеет. Я должен знать, стоит ли мне остерегаться.

– Человек вашей профессии всегда должен остерегаться, независимо ни от чего.

Себастьян молча признал его правоту. Кроме того, он задал слишком много вопросов о работе, делать которую не собирался.

– Мы уедем утром, – сообщил он герцогу.

– Прекрасно, – кивнул Леопольд и взглянул на стражников. – Проводите Ворона и его человека на постоялый двор, – велел он и, словно что-то вспомнив, добавил: – Мальчик, разумеется, останется здесь.

Себастьян не пошевелился.

– Нет, – коротко бросил он.

– О да. Не в камере, разумеется. В этом нет необходимости. Но он будет в замке. Неужели вы действительно посчитали, что я отпущу вас… без гарантий? Привезете герцогиню, и мальчика отдадут вам вместе с полагающимся гонораром.

Ад и проклятие! Сам Себастьян поступил бы точно так же, но надеялся, что у герцога не хватит ума на такое.

– Не стоит волноваться, – заверил Леопольд. – Я поручу его придворным дамам. К вашему возвращению они так его избалуют, что он, возможно, не захочет уезжать. Пока у меня нет причин причинять ему боль. Надеюсь, вы их мне не дадите.

Намек был более чем ясен. Леопольд даже имел наглость улыбнуться в последний раз, прежде чем шагнуть к двери. Но не ушел. Остановился на пороге, наблюдая, как один из стражников развязывает Себастьяна.

– Почему вы взяли имя Ворон? – полюбопытствовал он, оглядываясь. – Почему не Пантера? Не Тигр? В конце концов, у вас кошачьи глаза.

– Глаза убийцы, – глухо поправил Себастьян и, подождав, пока последний виток веревки соскользнет с запястий, одним прыжком пересек комнату и взял шею герцога в стальной захват, так, что даже непосвященному было ясно: одно небольшое усилие, и позвонки переломятся. – Вам следовало бы это знать.

Стражники выхватили оружие, но не стали стрелять, побоявшись попасть в господина. К этому времени Себастьян уже успел прикрыться телом пленника.

– Бросайте пистолеты, – велел он, поочередно оглядывая каждого, – иначе я сверну ему шею.

Стражники колебались, не зная, что делать.

– Быстрее! – прорычал герцог.

Пистолеты почти одновременно упали на твердый пол. Один выстрелил. Пуля, срикошетив от стены, вонзилась в ногу стражника. Тот взвыл, скорее от удивления, чем от боли, и упал на землю. Судя по всему, рана была неопасна, и пуля не перебила артерию, но другой стражник наклонился, чтобы ему помочь.

– Перебинтуй его, – приказал Себастьян, – а вы снимайте рубашки, да поскорее. Свяжете ими друг друга. Я сам проверю узлы, и если хоть один окажется слабым, перестреляю всех вас.

Десять минут спустя последний стражник, которого некому было связать, протянул руки Леопольду. Себастьян чуть ослабил хватку, чтобы герцог смог оказать честь своему слуге. Несколько долгих мгновений Леопольд решал, стоит ли опускаться до столь низменного занятия, но потом все же взялся за дело.

Удовлетворенно кивнув, Себастьян сказал тирану:

– А вам я предоставляю выбор. Могу ударить головой о стену, чтобы вы часа два не приходили в себя, связать вместе с остальными или все-таки свернуть шею, чтобы уже точно никогда больше не иметь с вами дела. Что предпочитаете?

– Вам не выйти отсюда живым, – прошипел герцог.

– Не важно, я попытаюсь. Так не хотите выбирать? Тогда я сделаю это за вас.

– Нет! – воскликнул герцог.

Себастьян не собирался давать герцогу лишних причин для мести. Поэтому просто подтащил его к топчану, заставил улечься лицом вниз и примотал к доскам остатками рубашки.

– Сейчас в Вене появился человек моей профессии, который ищет работу. Время от времени наши дорожки пересекались. Его зовут Колбридж. И это все, что я могу сделать для вас. Гораздо больше, чем вы того заслуживаете.

Перед уходом он проверил крепость пут и едва не рассмеялся, когда оказалось, что последний стражник, которого связывал герцог, успел почти освободиться. Пришлось стянуть узлы покрепче и запереть камеру снаружи.

Несколько минут спустя он уже выпускал на волю Джона и Тимоти.

– Вы убили его? – спросил Джон, выйдя во двор замка. Стражник, которого оставили наверху каменной лестницы, валялся без сознания, сбитый с ног сильным ударом.

– Нет, – ответил Себастьян, потирая ушибленный кулак. – А следовало бы, только для того, чтобы спасти кучу народа от бед и несчастий.

– Не думаете, что он отправит за нами погоню?

– Вряд ли. Не я один гожусь для такого дела. Теперь он это знает. Собственно говоря, я направил его в Вену, к Колбриджу, этому никчемному бездельнику, который наверняка провалит поручение. Баум стремился нанять меня только потому, что я уже здесь и мог бы начать немедленно, в случае моего согласия, разумеется. Искренне надеюсь, что его жена будет продолжать скрываться. У меня такое ощущение, что он скорее убьет ее, чем захочет вытерпеть утомительную процедуру развода.

Глава 3

Жить на кухне было вовсе не так уж и плохо. Тепло, вкусно пахнет и по-своему уютно.

Примостившаяся в самом сердце развалин замка, она была единственным помещением, которое согласился обставить Себастьян. Старый арсенал, расположенный на восточной стороне руин, был отделан панелями, кое-как меблирован и разделен на три комнаты, служившие спальнями.

Вот уже неделя как они вернулись во Францию. Мадам ле Карре, мать владельца соседней фермы, приходила каждый день и готовила им еду. Из всех слуг остался лишь сторож, старый Морис, живший в единственной уцелевшей сторожевой башне, все еще лепившейся к полуразрушенным внешним стенам. Несколько лет назад они пытались нанять служанку для уборки, но ни одна не оставалась дольше двух недель. Местные женщины просто не могли заставить себя работать в этой «груде камней», как они выражались.

Джон целыми днями торчал в оранжерее, которую выстроил сам. Как обычно, пока он был в отъезде, все заросло сорняками. Морис наотрез отказывался ухаживать за цветами, и только уговорами и подкупом его удавалось заставить жечь угольные жаровни в самые холодные месяцы, чтобы спасти нежные растения. Но многие все равно погибали от недостатка ухода.

У Тимоти тоже были свои обязанности – уход за лошадьми, которых держали в старом парадном зале. В одной его части еще сохранились остатки потолка: вполне достаточно, чтобы укрыть животных от дождя и снега. Тимоти терпеть не мог развалин и, попадая сюда, неизменно находился в мрачном настроении. Вот и сегодня мальчик откровенно дулся, не сумев привлечь внимание Себастьяна больше чем на минуту.

Как ни странно, хотя последний и не собирался отречься от своей клятвы во имя спасения мальчика, тот ничего для него не значил. Вот Джон – дело другое. Он искренне привязался к Тимоти, зато Себастьян почти его не замечал. Тем не менее он сам решил взять на себя ответственность за подопечного и относился к своим обязанностям более чем серьезно. Для него это означало, что под его защитой мальчику ничего не грозит. Случившееся в Австрии он считал своим недосмотром, ибо чувство долга было воспитано в нем с самого рождения.

Для Джона все было куда проще. И свои отношения с Тимоти он рассматривал совершенно с иной точки зрения. У него не было ни братьев, ни сестер, а мать умерла родами. Отец много лет служил дворецким в семействе Уимиссов и обучал отпрыска тонкостям своей профессии, хотя сам Джон избрал несколько

иную карьеру. Честно говоря, ему просто были не по душе высокая ответственность и власть над слугами, неизбежно связанные с должностью дворецкого.

Уимиссы были ближайшими соседями и друзьями Таунсендов, а следовательно, слуги тоже тесно общались. Поэтому Джон одним из первых узнал, что Себастьян лишился камердинера, и воспользовался возможностью занять это место. Он не мог и предположить, какие приключения его ожидают, но ни разу ни о чем не пожалел. Ему нравилось в поместье Таунсендов, и он прослужил немногим больше года до бегства Себастьяна из Англии. Себастьян не просил Джона сопровождать его в ссылку. Тот вызвался сам, поскольку привязался к молодому хозяину, считал его едва ли не родственником и не смог вынести мысли о том, что в чужих краях никто о нем не позаботится.

Но, говоря по правде, Джон втайне наслаждался новой работой, находя в ней невероятное удовлетворение, и почти сросся с новым обличьем слуги грозного наемника. Он прекрасно умел находить общий язык почти с любым человеком. В его присутствии языки неизменно развязывались, и Джону становились известны многие тайны сильных мира сего. И сейчас он жалел лишь о том, что не успел поработать в Фельбурге, прежде чем попасть в темницу. Но они не рассчитывали пробыть там больше одной ночи, так что он решил вместо этого немного отдохнуть. Что ж, выходит, он ошибся.

Им пришлось пустить коней во весь опор, чтобы поскорее покинуть пределы герцогства.

– Вряд ли они пошлют погоню, но мне не хотелось бы то и дело оглядываться, чтобы убедиться в этом, – констатировал Себастьян, наконец спешившись.

Джон был куда прагматичнее в суждениях.

– Приняв предложение герцога, мы могли бы уберечься от такой беды, как очередной враг, и сохранить возможность возвращения в Австрию. Может, он заплатил бы втрое больше вашей обычной таксы.

– И ехать в Англию? Ни за что.

Джон ожидал такого ответа, но все же попытаться стоило. За все эти годы Себастьян ни разу не поддался искушению вернуться в Англию, даже затем, чтобы узнать, как поживают отец и брат. Когда семья отреклась от него, Себастьян отрекся от семьи.

Сегодня Тимоти опоздал к обеду, и мужчины не стали его ждать.

– Может, мы хотя бы что-то отстроим? Завезем новую мебель? – спросил Джон, едва мадам ле Карре ушла к себе.

Себастьян иронически хмыкнул.

– Почему ты спрашиваешь об этом каждый раз, когда мы приезжаем сюда?

– Видите ли, сэр, дом очень велик, но пока что отделаны только кухня и спальни.

– Совершенно верно. Что нам еще нужно? Есть место, где преклонить голову и поставить тарелку, а до остального мне дела нет. Мы вообще надолго здесь не остаемся.

– Но это место можно преобразить!

– Это чертовы руины, Джон, – сухо напомнил Себастьян, – и пусть таковыми остаются.

Джон вздохнул. Он надеялся вывести Себастьяна из хандры, в которую тот впал с самого отъезда из Австрии, найдя для него хоть какое-то полезное занятие. К несчастью, Себастьян погружался в бездонную тоску каждый раз, когда речь заходила об Англии, что случалось слишком часто во время их пребывания в Фельбурге. Морис сообщил, что к нему приезжали три потенциальных клиента с предложениями работы, но Себастьян даже не потрудился расспросить о подробностях.

После обеда Джон вернулся в оранжерею. В полдень к нему присоединился Себастьян со стаканом бренди в руках. Плохой знак. Значит, тучи сгущаются.

– Скажи, Джон, все эти годы мне сопутствовала удача, или это просто цепь счастливых случайностей? – лениво осведомился Себастьян.

– Вы о чем, сэр?

– О своей карьере, разумеется. Пальцев на руках не хватит, чтобы пересчитать все случаи, когда меня могли убить или искалечить на всю жизнь, но удалось отделаться всего лишь парочкой легких ранений, несмотря на немыслимое количество видов оружия, которым меня пытались уничтожить. И до сих пор я выполнял самые невероятные поручения, которые только приходили в голову моим работодателям, прилагая при этом минимум усилий. Итак, скажи честно, это мое счастье или удивительное совпадение?

– Вы забыли включить в список еще и умение, – напомнил Джон.

Себастьян презрительно фыркнул:

– Я ничем не отличаюсь от других мастеров моей профессии. Достаточно хорошо стреляю…

– Чрезвычайно метко, – поправил Джон.

Себастьян только отмахнулся, явно посчитав возражение несостоятельным.

– Готов постоять за себя в драке…

– Вы когда-нибудь видели лицо бедняги, по которому прошелся ваш кулак? – перебил Джон.

– Но это нельзя считать выдающимися талантами, – раздраженно процедил Себастьян, – и никак не связано с моими успехами.

– Что вызвало этот приступ самоуничижения? – поинтересовался Джон, задумчиво прищурясь.

– Я рискнул придушить чертова герцога под дулами четырех пистолетов, направленных на меня. Представляешь, как велика была возможность того, что

хотя бы один из охранников успеет выстрелить, прежде чем я доберусь до врага? Моя феноменальная удача продолжалась одиннадцать лет, и теперь мне как-то не по себе. На душе тяжело. Все это должно когда-то оборваться, не считаешь? Ничто не продолжается вечно.

– Собираетесь уйти на покой? – спросил Джон. – Вам совершенно ни к чему продолжать в том же духе. Может, пора обзавестись семьей?

– Семьей? – угрюмо усмехнулся Себастьян. – Такого не пожелаешь злейшему врагу. Но я подумываю испытать его.

– Что именно?

– Свое необыкновенное везение.

Господи, на этот раз его хандра зашла слишком далеко!

Джон встревоженно покачал головой. Он знал, что в глубине души Себастьян ищет смерти. Еще с той минуты, как они покинули Англию. Ничто за эти годы не смогло поколебать в нем твердого убеждения, что это он должен был погибнуть вместо Джайлза. В тот день у Дуэльного камня его честь была навеки запятнана.

– И как же вы собираетесь испытывать это самое везение? – взволнованно спросил камердинер.

И прежде чем Себастьян успел ответить, в дверях появился Морис.

– К вам посетитель, месье, – объявил он. – Дама. Проводить ее в кухню?

Последнее было сказано с усмешкой. Сторож считал совершенно возмутительным тот факт, что столь богатый и известный господин живет на кухне.

Но Себастьян даже не заметил его тона… или предпочел не заметить.

– Дама? Одна из трактирных служанок, пытающихся выиграть очередное пари? Насколько я припоминаю, их вы тоже называете дамами.

Морис покраснел. Джон постарался скрыть улыбку. Тот день, когда в старый замок явились три милашки из местного кабачка, выдался на редкость занимательным. Девицы побились об заклад, поспорив, которой из них удастся завлечь Себастьяна своими продажными прелестями. Собственно говоря, сам он был не прочь сдаться на их милость: все трое были довольно хорошенькими, но ни одна не выиграла, потому что между ними разгорелась нешуточная драка за кавалера.

После их отбытия пришлось ремонтировать кухню, а красотки, вернувшись в кабачок, продолжали драться, что привело к новому пари, на этот раз между местными завсегдатаями. К настоящему времени ставки сделали едва не половина жителей города.

– О, нет, эта одета как знатная дама, – заверил Морис. – Такая же англичанка, как вы.

Джон застонал. Впрочем, Морис может и ошибаться, и женщина – вовсе не англичанка. Но это не важно. Главное – упоминание о родине Себастьяна, и теперь его состояние только ухудшится. Он отошлет женщину назад, даже не узнав, зачем та приходила.

Так и есть.

– Скажи, что кухня закрыта и останется закрытой… для нее, – прорычал Себастьян.

– Месье? – недоуменно спросил Морис, обращаясь к Джону.

Конечно, хозяину совершенно неинтересна незнакомка, а вот остальным…

– Иди, Морис. Я о ней позабочусь, – заверил камердинер.

Глава 4

Маргарет Ландор недоуменно взирала на груду пересыпанных щебнем камней, задаваясь вполне логичным вопросом, зачем она тратит здесь время. Трижды они проезжали мимо развалин, в полной уверенности, что ищут нечто совершенно иное. Но других в округе просто не оказалось, поэтому на четвертый раз, когда они возвращались в город, чтобы уточнить маршрут, остановились, завидев едва ковыляющего старика. Как ни странно, именно это место оказалось местом обитания Ворона, поэтому Маргарет обуревали сомнения. После всех дифирамбов, которые пели этому человеку, девушка просто не могла представить, почему наемник, требующий за свои услуги столь высокую плату, живет в таких трущобах. Или все, что она слышала о нем, – ложь?

Вполне вероятно. Может, местные жители пытаются поразить английских гостей сказками о местном герое? Но чтобы весь город участвовал в этом спектакле? Нет, этому трудно поверить!

Кроме того, здешние обитатели буквально теряли голову только оттого, что он вновь соизволил приехать сюда. Очевидно, Ворон нечасто бывал дома и много путешествовал, в том числе и за границей. Так что, не будь он здесь, возможно, она бы вообще о нем не узнала.

Маргарет отправилась в путешествие с горничной и лакеем. Эдна и Оливер были супружеской парой, работавшей в доме Ландоров с давних пор. Эдна, уроженка Корнуолла, нанялась няней к детям Ландоров, сначала Элинор, потом Маргарет. Ее пышные каштановые волосы и красивые голубые глаза помогли завоевать сердце Оливера. Она проработала в Уайт-Оукс всего полгода, прежде чем выйти за него замуж.

Сам Оливер вырос в Уайт-Оукс, родовом имении графов Миллрайт, теперь принадлежавшем Маргарет. Его отец и дед служили там лакеями, и даже прабабка была горничной второго графа Миллрайта. Высокий и крепкий, Оливер всегда оказывался там, где требовались сильные руки.

Теперь, достигнув пожилого возраста, они стали надежными компаньонами для Маргарет в ее грандиозной экспедиции за покупками. Немецкое кружево, итальянский шелк, вина для погребов Уайт-Оукс, луковицы лилий для сада, а заодно и осмотр достопримечательностей, поскольку раньше она никогда не бывала на континенте. Но истинная цель, о которой она никому не говорила, была иной. Она намеревалась отыскать бывшего соседа и вместе с ним расследовать подозрительные события, происходившие в Эджвуде.

Из-за угла появился сам Ворон. Ему приходилось идти осторожно: двор был усеян обломками камней. Выглядел он достаточно мирно. Обычный мужчина лет сорока, среднего роста, с карими глазами и каштановыми волосами. Наверное, ей не стоит нервничать. Просто она не любит сомневаться.

– Уверены, что хотите говорить с ним, Мэгги? – спросила Эдна, высунувшись из окна кареты.

Странно, что горничная тоже не горит желанием встретиться с Вороном, хотя именно она услышала о нем первой и сообщила Маргарет.

– Абсолютно, – откликнулась Маргарет с деланой уверенностью, не желая тревожить Эдну. – Ты оказалась права. Я уже сдалась и собиралась возвращаться домой. Выхода просто не было, но теперь он появился. Можно сказать, крайняя мера. И чего мне еще просить у судьбы, как не человека с его талантами?

– Что ж, тогда вперед, – кивнула Эдна. – Вряд ли он пробудет здесь долго. В городе говорят, что он никогда не остается дольше недели.

Маргарет со вздохом направилась к Ворону. Она ненавидела крайние меры, но это лучше, чем ничего. В прошлом году она без труда нашла и наняла тех парней. И рекомендации у них были самые лучшие, но сделать они ничего не сумели. Пустая трата денег. Этот, похоже, более надежен, если то, что говорят о нем, хотя бы наполовину правда. И сама она потерпела сокрушительную неудачу. Провела четыре месяца в Европе и не нашла ни единого следа, ведущего к пропавшему соседу.

– Добрый день, – поздоровалась она. – Я приехала, чтобы вас нанять.

Ворон улыбался. Вполне теплая улыбка для француза.

Маргарет сразу успокоилась. Он согласится. Им всего лишь остается обговорить условия.

– Я ни к кому не нанимаюсь.

Это обескуражило Маргарет. Но она быстро пришла в себя.

– Прошу вас, выслушайте меня.

– Но я не тот, кого вы ищете. Меня зовут Джон Ричардс. Я работаю на него.

– Вот как? – слегка смутилась девушка. Он к тому же и не француз. Акцент у него такой же английский, как у нее.

– Простите, мне следовало догадаться. Окажите мне любезность и проводите к Ворону, пожалуйста.

Улыбка мгновенно померкла.

– В этом нет смысла, мадам. Он не будет на вас работать, – почти грустно признался он.

– Почему нет?

– Потому что вы женщина.

Она снова расстроилась. И не только. Душу затопило раздражение. В конце концов, ее деньги ничем не хуже!

– Абсурд! У меня вполне веская причина поговорить с Вороном, и я готова заплатить любую сумму. А теперь проводите меня к нему… впрочем, это совершенно не обязательно. Я сама его найду.

Она не стала дожидаться, пока он попробует остановить ее. И даже не заметила его ухмылки. Откуда ей было догадаться, что она действует именно так, как от нее ожидал хитрец камердинер?

В развалинах не было ни единой двери. Ничто не преграждало ей путь. Сделав несколько шагов, Маргарет оказалась в помещении, показавшемся ей тем, что осталось от парадного зала рухнувшего замка. Впрочем, осталось не так уж много: несколько полуобвалившихся стен с нагроможденными вокруг валунами, разрушенный очаг, и в углу, там, где балки потолка, по-видимому, укрепленного

столетия через два после постройки замка, еще держались, стояли три лошади, около которых суетился парнишка. Маргарет слыла большим знатоком лошадей и сейчас невольно залюбовалась вороным жеребцом, гриву которого старательно расчесывал мальчик. При виде девушки он задорно улыбнулся и подмигнул.

Маргарет от неожиданности расхохоталась. Ну и дерзкий малыш! Тощий, голубоглазый, светловолосый… лет десяти-одиннадцати, а ведет себя, как прожженный повеса!

– Где я могу найти Ворона? – спросила она, немного развеселившись.

– Наверное, на кухне.

– Обедает? В это время суток?

– Нет. Он там живет.

Почему-то она не удивилась. Где еще обитать человеку, дом которого превратился в руины? Правда, Маргарет выразительно закатила глаза, но только потому, что мальчик, возможно, ожидал именно такой реакции.

Она не ошиблась.

Его улыбка стала еще шире.

– Покажешь мне, где кухня?

Мальчик ткнул пальцем в нужном направлении.

– Спасибо.

– Рад услужить, мисс.

– Леди, – поправила она.

– Черт, неужели правда? – ахнул он, явно потрясенный таким откровением. Очевидно, раньше он никогда не видел вблизи титулованной аристократки, что казалось вполне вероятным. Недаром Ворон не работал на женщин.

При этой мысли ее раздражение возросло еще больше. Маргарет кивнула на прощание и зашагала в указанном направлении. Пройдя по узкому каменному коридору, она остановилась у двери, за которой действительно оказалась кухня, причем отнюдь не средневековая. Она стояла в очень большом помещении с дубовыми панелями и вполне современной плитой. Маргарет удивилась, увидев обеденный стол, шесть стульев с бархатной обивкой и зажженный камин, по обе стороны которого красовались высокие окна, выходившие на нечто вроде оранжереи. Ничего не скажешь, здесь довольно уютно.

Впечатление нарушал сам Ворон.

Честно говоря, присмотревшись внимательнее, Маргарет понадеялась, что это не тот, кого она ищет. Господи, вид у него… определенно зловещий! Выше своего слуги, моложе, смуглее и куда опаснее.

Но это и хорошо, попыталась она убедить себя. Он выглядит как человек, способный выполнить любое поручение, а именно это ей и требуется. Иначе придется сдаваться. Она уже нанимала людей. Уже пыталась сама добиться цели. Сделала все, что могла. А тут по крайней мере хоть какая-то надежда. Ходили слухи, что он никогда не терпит неудач, и это лучшая рекомендация, о которой можно только мечтать.

Боясь, что передумает и струсит, Маргарет поспешила пересечь комнату. Ворон не поднял глаз, продолжая вертеть в руках бокал с бренди. По-видимому, он так глубоко задумался, что даже не заметил ее появления.

Девушка деликатно кашлянула, но он либо не слышал, либо намеренно ее игнорировал, поэтому она учтиво осведомилась:

– Не уделите ли мне несколько минут, сэр?

Она добилась своего и тут же об этом пожалела. Глаза полыхнули золотом, ярко, как у вышедшего на охоту хищника. Они чаровали… завораживали… освещали необычайно красивое лицо. Сначала она и не заметила, как он прекрасен:

слишком отчетлива была излучаемая им аура опасности. И все же несколько секунд эти золотистые глаза держали ее в плену. Но теперь она видела еще кое-что: гладкие щеки, квадратный подбородок, раздраженно поджатые узкие жесткие губы. Длинный прямой нос, острые скулы, темные, почти прямые брови. Очень короткие волосы, черные как смоль, только на щеку свисает длинная прядь. И лишь когда он механически заправил ее за ухо, Маргарет поняла, что волосы вовсе не короткие, просто коса уложена на затылке.

Золотистые глаза медленно изучали ее.

– Полагаю, вы не одна из трактирных служанок, желающих выиграть пари?

Маргарет удалось не покраснеть, хотя она поняла, на что он намекает. Местные жители рассказали Эдне о пари, а Эдна пересказала ей. Очевидно, в округе Ворон был главным предметом пересудов и сплетен.

– Вы правы, – высокомерно бросила она.

Он пожал плечами, явно потеряв к ней всякий интерес.

– Я так и думал, поэтому будьте хорошей девочкой и проваливайте. Вы явились сюда без приглашения.

Именно это пожатие и поворот головы лишили Маргарет дара речи. Не потому, что он прогнал ее. Потому что она наконец его узнала. И слишком потрясенная, чтобы говорить, сама не зная почему, расхохоталась.

Глава 5

Прошло двенадцать лет с тех пор, как она в последний раз видела этого человека. На балу по случаю обручения старшей сестры. В то время Маргарет было одиннадцать лет, и молодые люди ее не интересовали. Пока не появился ОН. Она всегда находила интригующим именно его, самого завидного жениха во всей округе, обаятельного красавца, наследника графского титула. Большинство женщин, независимо от возраста, было им очаровано. Но встреча в ту ночь была

в чем-то знаменательной. Отныне в ее воображении он стал романтическим героем, и, к сожалению, с тех пор все мужчины меркли в сравнении с ним. Хотя неудивительно, что она не сразу узнала его. Этот злобный грубиян не имеет ничего общего с очаровательным юношей, укравшим ее сердце много лет назад.

А теперь он смотрел на нее, как на сельскую дурочку. Впрочем, его винить сложно. Пораженная и восхищенная, девушка объяснила причину своего смеха:

– Видите ли, это довольно забавно. Я приехала просить вас найти человека, и оказалось, что этот человек – вы.

– Прошу прощения?

– Значит, вот где вы скрываетесь, Себастьян! И под именем Ворон?

– Кто вы, черт возьми?

– Маргарет Ландор. Мой отец – Джордж Ландор, шестой граф Миллрайт. Вы должны помнить его. Моя сестра…

– Господи Боже, – перебил он, – так вы малышка Мэгги?

– Ну, не такая уж малышка…

– Да, теперь я это вижу.

Он словно вбирал ее взглядом. Маргарет вспыхнула, но деловито предупредила:

– Я не потерплю ничего подобного. Знаю, каким дамским угодником вы были до той трагедии.

Он мгновенно вернулся к действительности и недовольно нахмурился. Маргарет сжалась. Наверное, зря она напомнила о трагедии.

– Вы здесь с мужем? – сухо осведомился он.

– Я не замужем.

– Значит, с отцом?

– Он умер шесть лет назад. И прежде чем начнете перечислять всех родственников, которые придут вам на ум, позвольте мне прояснить ситуацию. Я живу одна с тех самых пор, как стала достаточно взрослой для самостоятельного существования.

– А ваша сестра? Она вышла замуж?

– Да… и умерла. Но к этому мы еще вернемся.

Она винила Себастьяна в смерти Элинор. И надеялась, что сумеет договориться с ним, не упоминая о судьбе сестры, но сейчас уже не была так в этом уверена. Он определенно не тот обаятельный юноша из ее воспоминаний.

– У меня был опекун, – продолжала Маргарет. – Он предложил устроить мне торжественный выход в свет. Я посмеялась над ним и, в свою очередь, предложила жениться на мне. Он посмеялся надо мной, и вот так мы поладили. Я считала его не столько опекуном, сколько другом. Сейчас мне двадцать три, так что официально он больше не мой опекун. Но после смерти отца я жила в его доме четыре года и сейчас время от времени навещаю и играю роль хозяйки на его званых вечерах. Его невестка в этом отношении совершенно бесполезна.

– Вы рассказываете об этом опекуне с какой-то целью или просто любуетесь собственными речами?

– Вижу, вы растеряли хорошие манеры, – холодно усмехнулась Маргарет. Но он молча смотрел на нее, дожидаясь ответа. Что же, он его получит. – Моим опекуном был ваш отец.

– Адское пекло! – выругался он. – Ни слова о моей семье, понятно? Ни единого слова.

Маргарет сочувственно поцокала языком, игнорируя яростный блеск глаз.

– Придется выслушать, Себастьян. И не только одно слово. Именно из-за этого я здесь. Видите ли, я искренне люблю вашего отца и боюсь за его жизнь. Подозреваю, что вашему брату и его жене надоело надеяться, что титул перейдет к ним в самое ближайшее время.

Перегнувшись через стол, Себастьян вцепился в лацканы ее жакета и рванул на себя с такой силой, что ее лицо оказалось меньше чем в дюйме от его собственного.

– Какую часть моего приказа вы не поняли?

И тут Маргарет впервые испугалась. Она, запугать которую можно было с превеликим трудом! Но вид у него был поистине устрашающим, а глаза сверкали желтым пламенем!

Все же она глубоко вздохнула, напоминая себе, кто она и кто он, и спокойно – по крайней мере она надеялась, что выглядит спокойной, – оторвала его пальцы от жакета.

– Больше не смейте этого делать, – бросила она.

– Вам пора уходить, леди Маргарет.

– Нет, это вам пора выслушать. Господи, поймите же, на карту поставлена жизнь человека! Выкажите хотя бы слабое подобие прежнего благородства и…

Маргарет осеклась, не веря собственным глазам. Он уходит! Сломить ее не удалось, так что он пытается скрыться, даже не прощаясь! Хотя это лучше, чем если бы он вышвырнул ее, но все равно невыносимо!

– Трус!

Себастьян замер. Сведенная судорогой спина казалась высеченной из грубого металла, и Маргарет немедленно пожалела об опрометчивом слове.

– То есть… – попыталась исправиться она.

И снова ей не удалось договорить. Он обернулся, испепеляя ее взглядом. Маргарет затаила дыхание.

– Беда в том, – заметил он обманчиво учтивым тоном, – что вы полагаете, будто мне есть дело до изгнавшей меня семьи, чего нет и быть не может.

– Вздор. Кровь есть кровь, а вы с отцом были очень близки до…

– Тогда – возможно. Но сейчас все изменилось.

– Он чересчур вспылил тогда. Вы об этом не думали.

– Это он вам сказал?

Маргарет подавила стон.

– Н-нет, – нехотя призналась она, – он вообще ни разу не упоминал о вас в моем присутствии.

Себастьян снова шагнул к выходу. Полное отсутствие всяческого участия обескуражило и возмутило девушку. Правда, она еще не выложила сути проблемы. Приходилось спешить, чтобы объясниться до того, как он исчезнет.

– Однажды я слышала, как они ссорились, ваш брат и его жена. Всего я не разобрала, только отдельные фразы. Упоминались вы и «друг». Но я ясно слышала, как Дентон сказал: «Совершенно не обязательно было его убивать». Должна заметить, я была в ужасе, но, как ни старалась, все же не поняла, кого они имели в виду. Нет, я не думаю, что они кого-то убили. Вовсе нет. До меня донеслось вырванное из контекста предложение, так что они могли толковать о ком угодно. Однако с тех пор я так и не успокоилась. И начала следить за ними.

Сработало!

– И что вы узнали? – спросил он, поворачиваясь.

– Они терпеть друг друга не могут. Не понимаю, зачем только поженились.

– А на ком женился Дентон?

– На вдове Джайлза, Жюльетт. По-моему, я об этом упоминала.

– Ничего подобного! – рявкнул Себастьян.

Маргарет поморщилась. На какой-то момент стало ясно, насколько он взбешен. Но Себастьян так быстро взял себя в руки, что она задалась вопросом, уж не показалось ли ей все это.

– А зачем понадобилось меня искать именно сейчас? – резко спросил он. – Почему не раньше, когда вы впервые что-то заподозрили?

– Потому что у меня не было никаких доказательств. Только на душе было неприятно. Но потом начались весьма странные инциденты.

– С кем именно?

– С вашим отцом. Но я действительно пыталась найти вас раньше. В прошлом году даже наняла двоих сыщиков. Они стоили мне кучу денег, но смогли сообщить только то, что я подозревала и без них: вы покинули Англию, отправившись на континент. Поэтому я решила сама поискать вас. И ищу вот уже четыре месяца. Я почти сдалась и возвращалась домой, но по пути услышала о Вороне. Приезд сюда – мой последний шанс.

Себастьян покачал головой. Не в изумлении. О нет. Она почувствовала, что он вот-вот прикажет ей убираться. И дело не в выражении его лица. Оно по-прежнему бесстрастно. Но она инстинктивно ощущала, что опять проигрывает. Обычные факты не тронули его. Может, воззвать к его совести?

– Скажу прямо, Себастьян, вы мне не нравитесь. Если бы вы не убили Джайлза, он скорее всего опомнился бы, развелся с этой французской потаскушкой и женился на моей сестре, как и намеревался с самого начала. Вы виноваты в том, что он мертв. И в том, что Элинор сбежала, вышла за бедного фермера и умерла родами…

– Но при чем тут я, черт возьми? – взорвался он.

– Вы удрали и не видели, что произошло с сестрой после смерти Джайлза. Она горячо любила его и скорбела до самой смерти. То печалилась, то злилась. В основном печалилась. И плакала каждый день. Мой дом превратился в настоящий бедлам. Всем стало легче, когда она уехала. Признаю, мне очень стыдно за свое равнодушие, но думаю, мой отец испытывал то же самое. Мы одновременно были рады… и не рады ее отъезду. Весьма неприятные чувства.

– Куда она отправилась?

– Долгое время мы сами не знали. Она оставила записку, настолько залитую слезами, что чернила расплылись. Мы едва с ума не сошли от тревоги. Думаю, это ускорило кончину отца. Он прожил всего несколько лет после ее побега.

– Полагаю, в его смерти тоже я виноват? – саркастически поинтересовался он.

– Возможно, – отрезала Маргарет. – В конце концов, все эти события связаны. Но я не настолько жестока.

– Но за судьбу вашей сестры я тоже не отвечаю, – запротестовал он.

– Ничего удивительного. Вы, как видно, полностью отрешились от всех обязанностей по отношению к родным и друзьям, – презрительно констатировала она. – Но слушайте дальше. Позднее Элинор все-таки прислала письмо, объяснив, что не может жить с нами, так близко от могилы Джайлза. Это убивало ее.

– Да, но где она жила все это время?

– Не слишком далеко. В Шотландии, с дальней родственницей матери. Ее звали Харриет, и она была несколько необузданной, если понимаете, что я имею в виду. Вышла замуж за человека ниже ее по положению и происхождению, что вызвало ужасный скандал. Поэтому мой отец не желал иметь с ней ничего общего и перед смертью назначил мне опекуна. Как вам известно, он высоко ценил вашего отца. Так или иначе, Харриет действительно дурно повлияла на Элинор, поскольку та тоже решилась на мезальянс, а потом умерла родами, потому что во всей округе не оказалось опытного доктора, чтобы ее спасти.

– Что могло случиться независимо от того, где она была и почему.

– Да, но она оказалась там, потому что вы убили ее возлюбленного.

– Мужчину, который уже был женат на другой, – напомнил он. – И какого дьявола винить меня, а не Джайлза?

– Потому что он обязательно образумился бы.

– Это ваше предположение.

– Сомневаюсь, – сухо обронила она. – По-моему, это из-за вас Жюльетт изменила мужу. Думаете, он принял бы ее обратно, если бы дуэль закончилась иначе?

Она жаждала крови и, судя по выражению его лица, успела нанести не одну рану. Ничего, негодяй все это заслужил! Почему он так несговорчив? Неужели до сих пор не понял, как нужен дома?

И хотя Маргарет казалось, что она выложила все козыри, Себастьян все же упрямился.

– Вам следовало потолковать по душам с местным констеблем, – холодно посоветовал он.

– Но какие у меня доказательства? – возразила Маргарет. – Одни подозрения. И все же в Лондоне вашего отца едва не сбил экипаж, а спустя несколько недель ему пришлось висеть на проклятом обрыве почти час, прежде чем его нашли, и так далее и тому подобное. Все это не просто так, хотя он уверен, что это всего лишь случайности.

– Что, вероятно, так и есть. Но вы истощили запасы моего гостеприимства, которых, нужно сказать, с самого начала почти не было. И учтите, я порвал с семьей, иначе какого дьявола я торчу здесь все эти годы?

– Сколько вы возьмете за то, чтобы расследовать, действительно ли это обычные инциденты или нечто более зловещее?

– Сто тысяч фунтов, – коротко бросил он.

Маргарет скрипнула зубами. Сумма возмутительная! И все это только чтобы она отвязалась? Ничего, его ждет сюрприз.

– Согласна, – спокойно кивнула она. – Выезжаем утром?

– Погодите, я всего лишь пошутил.

– Жаль. А вот я вполне серьезна. Если отступитесь от слова, я опозорю вас на всю Европу. И уж поверьте, слух о том, что Ворону доверять нельзя, распространится мгновенно.

– Вы еще пожалеете об этом, – зловеще прошипел он.

– Нет, пожалеете вы, если не послушаетесь моих предупреждений. Ваш брат и невестка могут презирать друг друга, но, боюсь, едины в намерении прибрать к рукам Эджвуд. Кто-то должен положить конец этим «инцидентам», прежде чем дело не закончилось трагедией, и, думаю, только вам это под силу.

– А по-моему, они заслуживают всего, что судьба им уготовила.

– Даже если она подстроила дуэль, послужившую причиной вашего падения?

Глава 6

«Даже если она подстроила дуэль, послужившую причиной вашего падения?»

Себастьян никак не мог выбросить из головы слова, сказанные Маргарет. Неужели он попал в ловушку? Но возможно ли продумать ситуацию на столько шагов вперед? Обольстить мужчину, чтобы стать причиной дуэли и в результате остаться вдовой? Немыслимо! Тогда Жюльетт только что вышла за Джайлза. Если она и не была счастлива в браке, есть куда более простые способы покончить с семейной жизнью.

Себастьян раздраженно метался по кухне с бутылкой бренди в руках. Джон сидел в углу, спокойно наблюдая за хозяином. Он даже предложил Себастьяну бокал, хотя по опыту знал, что тот откажется. Такое случалось нечасто, но гнев заставлял Себастьяна терять всякое подобие благородства.

Приходилось ждать, но Джон все же тревожился, что Себастьян в своем нынешнем состоянии может решиться на что-то опрометчивое. Сам слуга вошел в кухню с довольным видом, и Себастьян справедливо заподозрил, что он подслушивал у двери и уже знал содержание разговора с девушкой. Джон тосковал по Англии не меньше Себастьяна. Он никогда не заговаривал на эту тему, но Себастьян был уверен, что камердинер был бы счастлив вернуться, в отличие от хозяина.

Немногие обстоятельства могли расстроить то железное самообладание, которое Себастьян вырабатывал годами, самообладание, столь необходимое в его профессии, но сегодня он с трудом сдержался, столкнувшись с ослиным упрямством леди Маргарет. Упертый «синий чулок»! Он мог бы поклясться, что она еще и завзятая лошадница. Носит эти новомодные костюмы для верховой езды мужского покроя. Возможно, азартный игрок. Метко стреляет. Некоторых женщин так и подмывает посоревноваться с мужчинами. Непонятно почему, но так оно и есть. И Себастьян не сомневался, что Маргарет Ландор – одна из них.

И она напомнила ему о доме. Господи, нужно же было так живо воскресить в памяти те последние несколько дней, которые он провел дома! Если бы он только знал, что именно Жюльетт была женой Джайлза да и вообще кого бы то ни было! Если бы только она не оказалась такой откровенной шлюхой! Знай Джайлз обо всем, ни за что не женился бы на ней! Знай Себастьян обо всем, не подошел бы к ней на милю! Он не заигрывал с замужними женщинами.

Тогда он действительно считал, что ему повезло! Роковая ошибка! Жюльетт была неотразима: живая, игривая, немного чересчур развязная на его вкус, но так очаровательна, что он оказался не в силах устоять. Он всегда любил женщин и уж, конечно, не отвергал столь откровенных предложений. В конце концов, не впервые он покидал вечер, назначив предварительно свидание.

Но тот раз был последним…

«Даже если она подстроила дуэль, послужившую причиной вашего падения?»

Господи, но почему? Чтобы потом выйти за него? Таков был ее план? Она уже соблазнила его, так что вполне могла быть уверена, что лестью и ласками заставит жениться… если убрать с дороги Джайлза. Может, она думала, что Себастьян не женится на разведенной женщине? Высший свет все еще считал подобные вещи недопустимыми. А вот вдова – дело другое. Но не воображала же она, что он женится на вдове лучшего друга после того, как собственноручно убил ее мужа?!

Сам он такой мысли не допускал, и именно поэтому ему в голову не пришла возможность ловушки. Но Жюльетт могла не знать этого или чересчур полагалась на свои чары.

Если ее замысел был именно таким, все пошло прахом, когда отец изгнал его из дома и лишил наследства. Может, поэтому ей пришлось довольствоваться Дентоном? И может, Дентон не мог ей этого простить? Поэтому они, по словам Маргарет, постоянно скандалят?

– Складывать вещи, сэр?

Джону пришлось повторить вопрос, прежде чем Себастьян наконец услышал и сел рядом.

– Значит, подслушивал?

– Конечно, – ухмыльнулся слуга. – Как вам известно, это входит в мои обязанности.

– Да, мы уезжаем утром. И может, я еще отстрою это место, когда мы вернемся. Нужно же достойно потратить денежки леди Маргарет!

– Вы действительно собираетесь ободрать ее как липку? – засмеялся он.

Себастьян выразительно пожал плечами.

– Еще бы! Эту работу мне навязали силком, и то благодаря моей глупой оговорке. Поэтому я не вижу особой разницы между тем, что проделала Маргарет, и попыткой австрийского тирана принудить меня выйти на охоту за

его женой. Если бы не их проклятые махинации, оба получили бы отказ. Так что ты чертовски прав: я заберу у нее последний медяк, оставлю нищей.

– Но я бы не назвал это работой. В конце концов, это ваш дом.

– Но сам я не считаю его таковым, и если бы Маргарет не поймала меня на слове, ни за что не поехал бы. И честно говоря, мне плевать, если она станет позорить меня по всей Европе!

Он сказал это спокойно, хотя в душе по-прежнему таился гнев. Нужно было слишком хорошо знать его, чтобы это почувствовать. Но тут Себастьян снова пожал плечами.

– Я сам виноват. Не нужно было злить ее. Она не должна была соглашаться на эту безумную цену, но все же согласилась, так что теперь ничего не поделаешь.

– Я не помню леди Маргарет ребенком, – рассеянно заметил Джон, – но женщина из нее выросла весьма красивая, не так ли?

Себастьян неопределенно хмыкнул. Он-то хорошо помнил озорную, задорную паршивку, подглядывавшую за подругами сестры на балу по случаю помолвки последней, выследившую его в саду, когда он целовался с одной из них. Сделала она это, разумеется, вполне намеренно. Негодница была способна и не на такое. Он не ожидал, что со временем она станет столь привлекательной. Конечно, светло-каштановые волосы нельзя было назвать чем-то особенным, зато поражали ее темно-карие, почти черные глаза. На ум сразу приходил богатый соболий мех. Поразительная кожа, настоящие сливки. Наверное, загар на такую плохо ложится. И никакой косметики. Как многие снобы, она, вероятно, считала это дурным тоном. Но она и не нуждалась в прикрасах: темные, длинные, очень густые ресницы, тонкие, изящно изогнутые брови, полные розовые губы, так и манившие попробовать их на вкус…

Правда, роста она небольшого: ее голова едва доходит до его плеч. Но и чрезмерно хрупкой ее не назовешь. Некоторые женщины изводят себя голодом, чтобы не сражаться со своими корсетами. Маргарет не казалась одной из таких. Нет, она не толстушка, просто фигура у нее крепкая и соблазнительная. Очень соблазнительная. Мужчина может не опасаться, что она рассыплется в его руках.

Маргарет настолько понравилась ему, что он в первые минуты, до того как она объяснила цель своего прихода, даже понадеялся, что перед ним одна из трактирных служаночек, решившая выиграть пари любой ценой. И она, несомненно, выиграла бы. Жаль только, что у нее такой упрямый подбородок, по которому можно безошибочно судить о характере.

Интересно, почему она не замужем? Такая прекрасная партия: красавица, дочь графа и, очевидно, богата, если может позволить себе выбросить на ветер сто тысяч фунтов! Черт возьми, она и глазом не моргнула, узнав цену!

Но он все продолжал гадать, действительно ли ее груди, натянувшие бархат жакета, такие упругие, как кажется на взгляд? Возможно. У него также было вполне отчетливое ощущение, что она будет прекрасно смотреться на его простынях.

Ад и проклятие! Должно быть, бренди наконец подействовало. Маргарет Ландор бесила его, и она последняя, кого он хочет видеть на своих простынях!

Глава 7

Маргарет ждала в карете. Горящая угольная жаровня распространяла приятное тепло, а пушистая меховая полость так хорошо согревала, что Эдна уснула на противоположном сиденье, тем более что час был ранний. Оливер, как всегда, сидел на козлах. Это была карета ее отца, с гербами на дверцах и такая удобная, что Маргарет и слушать не захотела о том, чтобы путешествовать без нее. Поэтому карету погрузили на судно, пересекающее Ла-Манш.

Пришлось ждать в Англии два лишних дня, чтобы найти капитана, который согласится без предварительного предупреждения перевезти такой груз, но Маргарет была неумолима и отказалась ехать без кареты. Оставалось надеяться, что теперь экипаж без задержек переправят обратно.

Эдна и Оливер обрадовались, услышав, кто такой Ворон. Уж лучше возвращаться вместе с опозоренным сыном графа, которого они знали, чем с каким-то чужеземным наемником, известным своей репутацией человека опасного.

В развалинах не мелькал свет, но, возможно, его просто не видно отсюда, тем более что окна жилых помещений выходят на другую сторону. Рассвет только занимался. Маргарет редко поднималась так рано, но не хотела давать Себастьяну причину увернуться от соглашения под предлогом того, что она слишком запоздала.

Дорога на побережье в ближайший портовый город Гавр проходила около развалин. Они не условились, когда встретятся, поэтому она решила сама начать путешествие и по дороге заехать за ним. Маргарет уже успела разглядеть неясные силуэты лошадей в руинах парадного зала, так что Себастьян наверняка никуда не уехал. Оставалось надеяться, что он уже проснулся. Она даст ему двадцать минут, прежде чем послать Оливера на поиски.

Ровно двадцать минут спустя в развалинах все еще было тихо. Маргарет забеспокоилась. Может, ее ожидания напрасны? У Себастьяна было время передумать, черт бы его побрал! Сейчас выйдет и грубо прикажет ей проваливать!

И тут появился мальчик, ведя в поводу смирную кобылку. Махнув рукой в сторону кареты, он так широко улыбнулся, что Маргарет не сдержала ответную улыбку. Что за симпатичный парнишка! И как он уживается с таким ворчуном и занудой, как Себастьян Таунсенд! Слишком молод для конюха, но, вероятно, никем другим быть не может.

За ним показался Джон Ричардс и остановился, чтобы поправить сбрую на лошади. Она не увидела никаких седельных сумок. Может, они путешествуют налегке или вообще не собираются с ней ехать?

Она не верила, что Себастьян сдержит слово, пока не поговорила с ним. В конце концов она его вынудила. Но он несерьезно отнесся к ее предложению, даже несмотря на запрошенную им безумную цену. А она, должно быть, действительно была не в себе, когда согласилась на все условия, хотя таких денег у нее не имелось. Если она и наскребет такую сумму, то, вполне возможно, окажется нищей.

Ей следовало смириться с его отказом и вернуться домой. Она отсутствовала четыре месяца, и за это время мог произойти очередной несчастный случай. Что, если Дуглас уже мертв…

При этой мысли девушка побледнела. Господи, только не это! Жесточайшая ирония заключается в том, что она разорится, и ради чего?! Все впустую: вряд ли у Себастьяна хватит порядочности освободить ее от обязательств, если окажется, что отца уже нет в живых. Раньше он считался человеком порядочным, благородным, идеальным во всех отношениях: наследник графского титула, богат, исключительно красив и любим друзьями.

Конечно, в то время она ничего такого не знала. Подобные вещи ее просто не интересовали, да и кто думает о них в одиннадцать лет? Она услышала обо всем гораздо позже из причитаний дам, которым недоставало его общества, и мамаш, надеявшихся сбыть за него своих дочек.

Но и сама Маргарет была им увлечена и не забыла той ночи, когда подсматривала за ним в саду позади дома. Терраса была хорошо освещена, а в саду царил полумрак. Себастьяну удалось увлечь туда одну из подружек Элинор. Маргарет пошла следом только потому, что потихоньку наблюдала за ним с самого начала праздника.

К сожалению, она не ожидала, что, обогнув живую изгородь, столкнется с ними едва ли не нос к носу. Они уже целовались! Все произошло так быстро, что, должно быть, началось, как только он встретился с дамой. И они так увлеклись, что даже не слышали ее шагов! Девочка, смутившись, поскорее отпрыгнула назад, но любопытство все-таки взяло верх, и она высунула голову из-за кустов.

К этому времени ее глаза привыкли к лунному свету, проникавшему сквозь листья. Они сидели в нише, образованной живой изгородью, с деревом в центре и скамьей, окруженной цветочным бордюром. Сама Маргарет часто приходила сюда летом почитать в одиночестве. После той ночи она больше не бывала здесь, терзаемая воспоминаниями о чувственных объятиях парочки. Похоже, дама, ошеломленная напором кавалера, забыла обо всем на свете и даже не замечала, что его рука то ласкает ее попку, то сжимает груди. Поцелуй заворожил ее настолько, что голова шла кругом. Его руки были повсюду, а тело… о, как он пользовался своим телом, чтобы окончательно свести ее с ума…

Маргарет часто гадала, что случилось бы, не потеряй она равновесие, когда пыталась получше разглядеть всю сцену. Под ногой неприлично громко хрустнула ветка. Леди, опомнившись, сделала то, что предписывали все правила этикета, то есть дала наглецу пощечину и помчалась обратно в дом. Мэгги долго

смотрела ей вслед, а повернувшись, обнаружила, что смотрит в золотистые глаза Себастьяна. Он не казался расстроенным. Мало того, судя по иронически вскинутой брови, искренне забавлялся.

– Разве тебе не пора быть в постели? – поинтересовался он.

– Пора.

– Любишь всякие проделки?

– Да.

Позже она сообразила, что смущение помешало собраться с мыслями и ответить достойно, но Себастьян так весело улыбался…

– Почему она ударила вас?

Он равнодушно пожал плечами, очевидно, ничуть не обиженный пощечиной.

– Думаю, это было наилучшим выходом после того, как она поняла, что из темноты за ней наблюдают чьи-то любопытные глаза. – И, неожиданно подмигнув, приподнял ее подбородок и заглянул в глаза. – Прими совет, куколка. Подрасти немного, прежде чем красться в сад, чтобы сорвать пару невинных поцелуев.

– С вами?

Он рассмеялся.

– Сомневаюсь, что смогу так долго ждать, чтобы наконец остепениться. Впрочем, все бывает.

И он ушел, так и не узнав о том, какое впечатление произвел на девочку.

Он больше не наследник Эджвуда. И уж тем более не тот джентльмен, что раньше. И она не сомневалась, что отныне порядочность не числится в списке

его качеств. Но он, очевидно, знал свое дело, иначе не имел бы блестящей репутации Ворона.

Наконец-то он показался: уже верхом на жеребце. Какую зловещую картину они собой представляли: вороной жеребец и Себастьян в черном плаще, мужчина и конь на ступеньках развалин, окруженные грудами камней, на фоне свинцового неба. По спине Маргарет прошел озноб. Она, должно быть, сошла с ума, если связалась с таким человеком! Он просто уже не тот прежний Себастьян, которого она так отчетливо представляла в своем воображении. Во что она впуталась, черт возьми?!

Себастьян медленно подъехал к экипажу и остановился у открытого окна. К седлу тоже не было приторочено ни одной сумки. Может, он все-таки прикажет ей убираться с его глаз?!

Маргарет затаила дыхание, ожидая, пока все ее сомнения разрешатся. Себастьян молча поднял брови. Может, ее лицо уже посинело от натуги?

Она трагически вздохнула. Он, разумеется, все слышал, потому что в голосе прозвучали злорадные нотки:

– Боитесь, что я не пожелаю встретиться с вами в городе?

Какой смысл отрицать?

– Собственно говоря… мне это приходило в голову.

Он долго смотрел на нее.

– Учитывая нашу короткую беседу, можно предположить, что вы никак не могли знать одного: когда я соглашаюсь взяться за работу, никогда не отступаю от своего слова.

– Значит, вы собирались в город?

– Совершенно верно.

– Что же, рада избавить вас от лишних усилий, – задорно бросила она, но тут же, вспомнив о хороших манерах, представила его Эдне, которая без стеснения таращила глаза на столь известную личность. – А мой кучер Оливер, – добавила Маргарет, – муж Эдны. Если хотите положить в карету какой-то багаж, он вам поможет.

Себастьян покачал головой.

– Второй слуга, Морис, вчера переправил все необходимое в Гавр.

Маргарет удивленно охнула. Значит, он с самого начала не собирался отступать?

– Что же, тогда в путь? – поспешно предложила она, все-таки боясь, что он передумает. – Если поторопимся, днем успеем сесть на корабль.

– Крайне сомнительно, – язвительно усмехнулся Себастьян. – Но как пожелаете.

Он развернул лошадь к дороге. Джон и Тимоти последовали за ним. Маргарет воспользовалась моментом, чтобы тихо заметить горничной:

– Эдна, уже можно закрыть рот.

Пожилая женщина пренебрежительно хмыкнула, стараясь закрыть ладонями предательски покрасневшие щеки.

– Господи, да я бы никогда его не узнала. Надеюсь, мне всего лишь привиделось, как он опасен.

– К сожалению, нет, – покачала головой Маргарет, – но этого можно ожидать, учитывая его профессию. Только помни одно: он Себастьян Таунсенд.

– Да, происхождение у него безупречное, и он довольно красив. Хоть это вы успели заметить?

Наверное, нужно быть слепой, чтобы этого не заметить… но она притворилась, будто не расслышала, и уставилась в окно. Оливеру пришлось все время взмахивать кнутом, чтобы не отстать от всадников.

Экипаж то и дело подбрасывало. Дороги, прекрасно содержавшиеся почти по всей Франции, здесь были в плохом состоянии.

Но когда они прибыли на пристань старой гавани на северном побережье Франции, им повезло. Отплытие одного корабля задерживалось из-за того, что команда слишком хорошо повеселилась накануне, выпив все запасы вина в одном припортовом кабачке. Из-за этой задержки они растеряли почти всех пассажиров и были счастливы взять с собой Маргарет и ее спутников. Даже карету быстренько подняли на борт, и не успела девушка оглянуться, как судно отчалило.

К добру или к худу, Маргарет выполнила все, зачем ехала. Оставалось надеяться, что она не пожалеет о решении привезти Себастьяна Таунсенда домой, в Англию.

Глава 8

Себастьян считал большинство заданий, которые ему довелось выполнять, довольно легкими, несмотря на то что вначале они представлялись крайне сложными. Применить немного чисто английской логики, а при необходимости и военную тактику, и – voil?![1 - Вот (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.] – получай свои денежки! Но сейчас для него не было ничего сложнее, чем пересечь пролив и высадиться на английском берегу.

Стоя на палубе, он возвращался мыслями к событиям тех лет. Как тогда, ощутил весь ужас содеянного. Увидел удивление на лице Джайлза, медленно падавшего на землю. Все это было так живо в памяти. Сколько кошмаров ему привиделось о том дне, который необратимо изменил его жизнь! Сколько раз он представлял все, что мог сделать, чтобы предотвратить несчастье!

Осень подходила к концу, и в воздухе уже чувствовался зимний холодок, пробиравшийся даже под плащ, полы которого хлопали на ветру. Он не любил путешествовать зимой и терпеть не мог развалины в это время года. Зимой обычно он отдыхал на юге Франции или Италии. Денег было столько, что он мог не обременять себя работой круглый год. Если бы не Маргарет Ландор, через

несколько дней он покинул бы северную Францию, и она никогда не услышала бы о Вороне. Уехала бы домой, чтобы обнаружить… что именно?

Себастьян нахмурился и оглядел палубу. Чуть подальше стояла Маргарет, тоже глядя на воду. Предзакатное солнце играло золотистыми отблесками в светло-каштановых волосах. Он предпочел бы не знать о том, как она красива…

Перед этим она была в шляпке, но ветер подхватил ее, покатил по палубе и перекинул через борт. Себастьян тихо посмеивался, глядя на ее раздосадованное лицо. Но она не пошла за другой шляпкой, несмотря на резкий ветер, путавший волосы.

Когда узел окончательно разошелся и длинные волосы беспорядочно развевались по плечам, она просто схватила их в горсть и прижала к груди. Тщеславные аристократки так себя не вели. Большинство дам уделяли огромное внимание своей внешности, но Маргарет, очевидно, к таковым не принадлежала.

Он надеялся избежать чересчур близкого общения с Маргарет во время путешествия. Она и сама, казалось, предпочитала то же самое. Но до приезда домой ему было необходимо получить от нее определенные сведения. Было также кое-что, о чем нужно узнать ей. Возможно, лучше покончить с этим прямо сейчас.

– Вы, должно быть, не учли одного, – начал он, приблизившись к ней, – но первые несколько дней никто не должен знать о моем приезде, пока я не оценю ситуацию. И единственный способ добиться этого – поселиться в вашем доме и потребовать от слуг соблюдения строжайшей тайны на случай, если кто-то меня узнает. Полагаю, вы с этим справитесь?

Маргарет недовольно нахмурилась. Наверняка не планировала иметь с ним дело после прибытия в Англию. Хотела привезти его домой и предоставить судьбе.

Несколько минут она размышляла, вероятно, оценивала все сложности пребывания холостяка в доме, но, к его удивлению, ни словом не возразила.

– Разумеется, – кивнула она. – Вы, наверное, помните Уайт-Оукс. Вы приезжали на бал по случаю помолвки сестры.

Он удивился неожиданно выступившему на щеках румянцу, но тут же вспомнил, что случилось во время их последней встречи.

– Да. Насколько мне известно, сад там чудесный.

Она стала совсем пунцовой, наградив его уничтожающим взглядом. Очевидно, чопорная Маргарет Ландор предпочитает не помнить, какой озорницей была в детстве. А может, до сих пор любила нарушать все мыслимые правила, только не желает, чтобы об этом кто-то знал.

Он невольно пожалел ее, решив дать небольшую передышку.

– Мы можем без труда держаться подальше друг от друга, тем более что Уайт-Оукс почти так же велик, как Эджвуд.

– Гораздо больше, – самодовольно поправила она: еще один признак вечного стремления к соперничеству. – После бегства Элинор мой отец частично перестроил дом. А я устроила оранжерею рядом со столовой, когда решила, что желаю иметь цветы и зелень круглый год, а не только летом.

– Еще один садовник? – усмехнулся он, поднимая глаза к небу.

– Любите цветы? – удивилась она.

– Не я. Мой слуга Джон.

– Это очень успокаивает, знаете ли, – поделилась она. – Вам стоит попробовать.

– Цветы в моем присутствии почему-то погибают.

Она моргнула, но тут же разочарованно поморщилась.

– Не смешно.

– Разве я смеялся?

– По-моему, вы просто разучились, – фыркнула она. – Скажите, что вы делали все эти годы, если не считать усилий по созданию выдающейся репутации человека, способного совершить невозможное? Не слишком ли сложно оказалось жить во Франции, когда Наполеон был так нами недоволен?

На этот раз ему пришлось приложить немало усилий, чтобы не рассмеяться.

– Недоволен? Довольно мягкий способ выразить отношение маленького деспота к Британии. Он постарался отсечь нас блокадой от каждой из завоеванных им стран и вынудил союзников сделать то же самое, хотели они того или нет. Собирался вторгнуться в Англию и, возможно, так и сделал бы, если бы русские не отвлекли его от столь кровожадных намерений.

– Да, знаю, что наконец, когда мы были сыты по горло торговой блокадой, объявили ему войну. Но вы тоже участвовали во всем этом? – не унималась она.

– Немного, – пожал он плечами. – Мои таланты очень пригодились во время войны на Пиренейском полуострове, особенно еще и потому, что я бегло говорю по-французски. Тогда я и предложил свои услуги.

– Шпиона, разумеется? – предположила она.

– Как вы проницательны! Но это продолжалось недолго, в основном уже ближе к концу, когда Жозефа, брата Наполеона, вынудили бежать из Мадрида. И меня не было во Франции, когда Наполеон прошел по ней в 1815 году, собирая в последний раз армию, уже после своего отречения. В том году я выполнял несколько заданий в Италии и даже не слышал о его судорожных усилиях вернуть трон, пока англичане не сослали его во второй раз на остров Святой Елены. Но, отвечая на ваш вопрос, могу сказать, что купил эти руины всего четыре года назад, уже после этого события, так что без труда устроил себе дом во Франции.

– И вы называете эту кучу камней домом?

– Оговорка, леди Маргарет. Вы правы. Это не более чем удобное место для встреч с потенциальными клиентами. Вышло так, что я нечасто бываю здесь, особенно в это время года. Если бы мне не пришлось доставить кое-что в эти места, возможно, я уже был бы на пути в Италию.

– Как мне повезло.

– И как не повезло мне, – перебил он. – А теперь к делу. Меня не было в Кенте одиннадцать лет. И поэтому необходимо знать, что произошло за это время. Какие-то важные перемены?

Очевидно, ей не понравилась его реплика насчет невезения, потому что она раздраженно поморщилась, но признала важность его требования и задумчиво свела брови. Даже на солнце ее глаза были такими темными, что почти не отливали коричневым. Она по-прежнему придерживала волосы, но несколько прядей покороче падали на щеки и лоб. Интересно, заметит ли она, если он заправит их ей за ухо? Возможно, нет: слишком глубоко она погружена в размышления. Но он все же воздержался от такой вольности.

Растрепанная, взъерошенная, она сейчас была очаровательна. Не слишком много женщин могли этим похвастаться, но Маргарет в таком виде казалась проще и доступнее. И становилась еще красивее. А ведь она даже не пыталась быть привлекательной. Ничего подобного. Она, казалось, ничуть не заботилась о том, какое производит впечатление, что очень странно для женщины. Или она держится подобным образом исключительно с ним? Настолько терпеть не может, что ничуть не старается его привлечь?

Поразительная манера поведения. До этого еще ни одна женщина не питала к нему ненависти. Он почти поддался искушению завоевать ее… но зачем?

– Кроме обычного количества рождений и смертей в округе… – начала она наконец.

– А моя бабушка? – перебил он.

– Нет, нет, Эбигайл вполне здорова… или была здорова до моего отъезда. Правда, немного не в себе.

– Вздор…

– Нет, правда. Ее зрение сильно ухудшилось, может, потому она и видит то, чего нет. Пока я жила в Эджвуде, она постоянно бегала за мной и твердила, что в

доме кто-то чужой, и при этом шептала, боясь, что ее подслушают. Я отправлялась на поиски и, разумеется, никого не находила.

Себастьян, улыбаясь, покачал головой:

– Годы берут свое. Что ни говори, а бабушке уже восемьдесят семь. Так что ей позволительно.

Маргарет промолчала, глядя на его губы, что Себастьян нашел несколько обескураживающим. Улыбка исчезла прежде, чем он понял, что улыбнулся.

Она раздраженно поморщилась и продолжила:

– Я очень люблю старушку, но мне пришлось потрудиться, чтобы войти к ней в милость.

– Невозможно. Она милейшая…

– Теперь уж нет, – вздохнула Маргарет. – Видите ли, она приняла вашу сторону и поэтому не обмолвилась со своим сыном ни единым словом с тех пор, как он лишил вас наследства. Если нужно что-то передать, посылает слугу.

Себастьян не верил своим ушам. Ему и в голову не приходило, что бабка и отец могут поссориться из-за него. Они всегда были заодно, соглашались друг с другом во всем. Еще одна вина, отяготившая его сердце. Можно подумать, и прежних было недостаточно!

– Но, как я уже сказала, Эбби было не так легко завоевать, особенно после того, как Дуглас, узнав о моем пристрастии к садоводству, поручил мне заботиться об оранжерее. Он старался немного отвлечь меня от мыслей об отце и сестре, но Эбби была уверена, что я обманом захватила оранжерею, которую она считала своим королевством. И без обиняков дала мне это понять. Но вскоре стала давать мне советы вместо того, чтобы кричать и ругаться, что я все делаю не так. Жаль, что она стала такой плаксивой, бедняжка. Но я стараюсь навещать ее почаще, чтобы немного развеселить.

– Но почему она плачет?

– Не догадываетесь? Скучает по вас. И подозреваю, она расстроена ссорой с сыном. Жалеет, что так набросилась на него. Ее также тревожат эти странные инциденты, хотя она в этом не признается. Но она не раз намекала, что только вы способны докопаться до истины, понять, что происходит, и положить этому конец, что и убедило меня отправиться на поиски. Кроме того, она жалуется, что Сесил больше не приезжает к ней. Думаю, он был ей кем-то вроде сына.

– Сесил умер?

Она ответила мрачным взглядом.

– Почему вы все время предполагаете худшее? Нет, он жив и здоров. Просто после дуэли они с вашим отцом порвали всякие отношения, и он никогда не бывает в Эджвуде.

Себастьян на миг прикрыл глаза. Вот еще одно его преступление, за которое придется расплачиваться.

– Она очень его любила, – добавила Маргарет. – Я слышала, что в детстве он больше времени проводил в Эджвуде, чем дома. А после смерти матери он привязался к Эбби, как и она – к нему. По крайней мере я так поняла из ее слов.

– Двери в Эджвуд, возможно, для меня закрыты, – вздохнул Себастьян. – Отец ясно дал понять, что я там нежеланный гость.

– Да, это может стать препятствием, – согласилась она. – Уверены, что не сумеете примириться с Дугласом?

– Абсолютно. Я не знал, что они с Сесилом больше не друзья. А ведь только из-за него и уважения к нему отца меня вышибли из дома. Ссора между ними наверняка еще больше обозлила отца. Теперь он вообще видеть меня не захочет.

– Обозлила? А может, заставила опомниться и понять, кто для него важнее, – возразила девушка.

Себастьян презрительно фыркнул:

– Вы не понимаете, что значили друг для друга Сесил и мой отец. Они были так же близки, как мы с Джайлзом. Такая крепкая дружба постепенно становится узами чести. Он просто не мог не прогнать меня. Я убил сына его лучшего друга, и это после того, как он запретил мне пальцем его тронуть.

– Но почему вы его убили?

– Господи, надеюсь, вы не думаете, что я сделал это намеренно? Произошла глупейшая случайность.

– Лично я думаю, что вы пытаетесь любым способом отделаться от меня и нашего договора, – сухо заметила она. – Лучше сообразите, как появиться в родительском доме, чтобы вас не выгнали в первую же минуту.

– Я уже пытался. Не получается. Сейчас ваша очередь.

Маргарет полоснула его яростным взглядом.

– Ну переоденьтесь. Замаскируйтесь как-нибудь.

– И предстать перед родными в таком виде? Да с тем же успехом я мог бы надеть ваше платье, и все же они непременно узнают эти глаза. Попробуйте еще раз, леди Маргарет.

– Вы в платье? – засмеялась она. – Иисусе, представляю себе это зрелище. Такое мне даже в голову не приходило!

– Можете смело выбросить все из головы. Этому случиться не суждено.

– Ну конечно, нет, – усмехнулась Маргарет. – Да и все равно ничего бы не получилось. Женщин таких габаритов вообще не бывает… – Она почти согнулась пополам в очередном приступе смеха. – Иисусе, эта милая картинка так и стоит перед глазами…

– Помочь от нее избавиться? – проворчал он, нимало не развеселившись, и потянулся к ее руке.

Маргарет отскочила как ошпаренная.

– Без фокусов, пожалуйста, – мгновенно помрачнела она и, тяжело вздохнув, пояснила: – Ладно, выход все-таки есть. И вполне очевидный.

– Еще и очевидный? Быть не может.

– Ну разумеется, есть. Мы могли бы объявить, что женаты. Это даст вам доступ во все приличные дома. Любой человек, ставший моим мужем, будет желанным гостем в Эджвуде.

– Вы, кажется, немного не в себе?

– Почему же, я абсолютно в здравом рассудке. Слушайте: меня не было четыре месяца. Могла я выйти замуж за это время? И я не прошу вас брать на себя никаких обязательств. Не предлагаю венчаться по-настоящему. Не дай Бог! Это совершенно не обязательно. Никто в Англии не сможет доказать, женаты мы или не женаты, поскольку предполагаемая свадьба состоялась в Европе. Нам, конечно, придется объявить, что мы разводимся, как только вы сумеете дознаться, кто затеял нечестную игру, и устраните угрозу.

Себастьян, потеряв дар речи, уставился на нее. По-видимому, ее мыслительные процессы были недоступны его уму.

– Мэгги, дорогая, вы забываете о самом важном: на вас ляжет клеймо разведенной женщины, которое навеки погубит вашу репутацию.

– Вздор! Когда люди узнают, почему я принесла эту жертву, станут превозносить меня, как героиню.

Жертва. Значит, выйти за него замуж означает принести жертву. А вот это его задело. Больно задело. К сожалению, она скорее всего права. Звание ее мужа, конечно, не вернет его в лоно семьи, но позволит разок-другой проникнуть в Эджвуд. А больше, вероятно, и не потребуется. Это потревожит муравейник, если ее подозрения имеют под собой основания.

Он не хотел иметь на совести еще и ее погубленную репутацию, поэтому задумчиво протянул:

– Может, это и не понадобится. Мне нужно несколько дней, чтобы сначала все разузнать. Вы предложили серьезную загадку, так что лучше все хорошенько обдумать. – Но поскольку ее замечание о жертве было еще свежо в памяти, он не смог удержаться от укола: – Повторяю, хорошенько обдумайте, готовы ли вы играть роль моей жены.

Она вопросительно подняла брови. Он шагнул еще ближе и скользнул костяшками пальцев по ее щеке.

– Вы должны притворяться влюбленной в меня, терпеть мои прикосновения и даже поцелуи. Может, вам следует немного попрактиковаться и посмотреть, есть ли у вас актерский талант.

Она не сразу сообразила, что он имеет в виду, а сообразив, густо покраснела.

– Никакой практики и никакого притворства подобного рода! Нет, правда, Себастьян, уж вам-то следует знать, что даже самые скромные проявления нежности между женатыми людьми обычно остаются за плотно закрытыми дверями спальни. Я всегда считала это глупым, но теперь, черт возьми, даже благодарна. Ну а притвориться влюбленной… при необходимости мне это как-нибудь удастся.

Глава 9

Они могли бы добраться до порта прошлой ночью, но капитан был еще неопытным новичком и не осмелился продолжать путь после того, как начался дождь, оправдываясь тем, что видимость очень плохая. Хотя судоходство в проливе было на редкость оживленным, опытный капитан без труда избежал бы столкновения с другими судами. Впрочем, время для них значения не имело: их дома находились совсем близко от Дувра. Наоборот, Маргарет была рада задержке, поскольку ей предстояло осторожно довести до ушей Эдны свой замысел, чтобы при необходимости она и Оливер смогли выступить свидетелями

выдуманной свадьбы. Девушка не ожидала, что горничная так возмутится.

– Вы не можете сделать это! – воскликнула она.

– Конечно, могу! Помни, он Себастьян Таунсенд!

– Вот именно! Паршивая овца в семье Таунсендов, с которыми вы поддерживаете весьма близкие отношения. В обычных обстоятельствах вы при встрече перешли бы на другую сторону улицы! Никто не поверит, что вы способны выйти замуж за такого человека!

Маргарет не думала, что ей придется искать доводы, чтобы убедить Эдну, и сейчас она придумывала их на ходу.

– Я никогда не упоминала об этом никому, даже Флоренс, с которой делилась всем, когда мы были детьми, но, знаешь, я была неравнодушна к нему… до дуэли, конечно. Но вполне резонно предположить, что я могла втайне сохранить к нему нежные чувства и была счастлива снова с ним встретиться. Резонно также, что я решила помирить его с семьей. И ты сама упоминала, как он красив. Настолько, что может вскружить голову любой девушке.

– Только не вам, – фыркнула Эдна.

– Не мне, но кто об этом знает, кроме тебя? Я тоже могла влюбиться в него и выйти замуж, несмотря на все препятствия. Кроме того, мы еще не решили, стоит ли пускать в ход этот план, но если придется, то по достаточно веским причинам. Не забывай, почему я вообще отправилась на поиски Себастьяна.

В конце концов Эдна, хотя и с большим трудом, была вынуждена согласиться и отправилась сообщить мужу о том, чего следует ожидать. Маргарет тоже обуревали сомнения, особенно после предупреждения Себастьяна о праве мужа целовать и обнимать жену. Следовало бы дать ему знать, что она не потерпит ничего подобного, но… но теперь он совсем не тот человек, которым она восхищалась в детстве. Наемник, готовый сделать все, что угодно, ради денег. Разве он послушается ее запретов?

Она так и заснула, полная сомнений, но проснулась с решимостью сделать все, чтобы устранить опасность, грозящую сэру Дугласу. И если ради этого придется притворяться женой Себастьяна Таунсенда, да будет так!

Утром она нашла его на палубе. Стоя у поручня, он задумчиво смотрел в сторону английского побережья, уже показавшегося на горизонте. Маргарет покидала дом всего на четыре месяца, но уже изнывала от ностальгии. Каково же пришлось ему, одинокому изгнаннику? Впрочем, может, ему действительно все равно, как он утверждает? Ох, вряд ли, вряд ли…

Полы его плаща хлопали на ветру. Это придавало Себастьяну зловещий вид. И все же он так чертовски красив, что дыхание перехватывает. Влечение к нему, которое росло с каждой новой встречей, до добра не доведет. Конечно, все это связано с прежней детской любовью, но…

Она подошла и встала рядом, хотя не решилась прерывать его размышления, судя по лицу, весьма мрачные. Поэтому она удивилась, когда он вдруг сказал:

– Генри Рейвен[2 - Ворон (англ.).].

– Прошу прощения?

– Под этим именем я буду жить в вашем доме, – пояснил он.

– Простите, – засмеялась она, – но на Генри вы никак не похожи. Не могли бы вы подобрать нечто более подходящее?

– Что именно? Блэк Барт?

Маргарет снова фыркнула, что побудило его добавить:

– Вы прекрасно знаете, что Генри – одно из самых благородных имен.

– Для короля. Ну хорошо, Генри, если вы настаиваете. Я сообщу Оливеру и Эдне. Кстати, я уже предупредила их, что мы можем оказаться супругами.

– Надеюсь, они безропотно приняли эту новость, – сухо бросил он.

Маргарет закатила глаза.

– Честно признаться, Эдна очень расстроилась. Но я убедила ее, что все это ради доброго дела и, кроме того, еще ничего не решено.

– Да, если я узнаю все необходимое, прежде чем кто-то пронюхает о моем возвращении, от вас ничего не потребуется.

– Достаточно справедливо.

Они пришвартовались еще до полудня, и пассажиры сошли на берег. Вслед за ними свели лошадей и спустили карету. Мерин Джона, как всегда, вел себя смирно. Жеребец Себастьяна нервничал, но, оказавшись на твердой почве, скоро успокоился.

А вот Себастьяну было не по себе. Меланхолия овладела им в тот момент, когда он ступил на английскую землю. Господи, он тосковал по родине куда больше, чем ему казалось. Горечь, с которой он жил, запрятанная так глубоко, что стала частью души, поднялась в горле черной желчью, душа эмоции.

Ему не стоило уезжать. Вовсе не обязательно было скрываться в Европе только потому, что отец лишил его наследства и велел убираться из Англии. Он уже ослушался отца, когда дрался на дуэли. Грехом больше, грехом меньше…

Но угрызения совести чудовищно его терзали и не унялись даже после стольких лет, пожирая разум и сердце так же яростно, как много лет назад.

Глава 10

Маргарет любила свой дом. Три этажа, выстроенные из белого дуба и окруженные цветами – ее цветами. Она собственноручно посадила все до одного и каждую весну нетерпеливо ждала, когда проклюнутся ростки.

Хотя Эджвуд был великолепным поместьем и Маргарет предлагали постоянно там жить, но она соглашалась изредка бывать там только из любви к Дугласу и Эбигайл Таунсенд и, вне всякого сомнения, предпочитала собственный дом. Здесь жили ее слуги. Здесь творилась история семьи. И по красоте дом вполне мог поспорить с Эджвудом.

Господи, как хорошо оказаться здесь! И слуги по ней соскучились. Почти все подбежали к двери, чтобы встретить хозяйку. Кухарка Гасси даже расплакалась.

– Наконец-то не буду чувствовать себя виноватой за то, что самые лучшие блюда поедаются в ваше отсутствие, – всхлипывала она. – Вас слишком долго не было, леди Маргарет.

– Пришлось переделать много дел, – пояснила Маргарет. – Надеюсь, бутылки с вином благополучно прибыли?

– Совершенно верно. Я даже открою сегодня бутылку, чтобы отпраздновать ваше возвращение.

Едва Гасси успела войти в дом, как примчавшийся конюх радостно воскликнул:

– Слава Богу, миледи! Теперь ваша дикая зверюга снова станет вести себя как полагается.

Маргарет весело усмехнулась. Конюх привык величать ее кобылу не иначе как зверюгой. Непонятно, почему Сладкоежка была такой же милой, как ее кличка… в присутствии Маргарет.

– С завтрашнего дня я начну кататься верхом, – сообщила Маргарет, – но сегодня обязательно ее навещу!

Она постаралась поговорить с каждым слугой. Никого не пропустила. И все столпились около госпожи. Последней появилась Флоренс, ее экономка, самая молодая из всех слуг, хотя выросла в Уайт-Оукс. Она заняла должность экономки пять лет назад, когда ушла на покой ее мать. Подобно Эдне она обращалась с Маргарет немного фамильярнее, чем остальная прислуга. Девочками они часто играли вместе.

Хотя слуги с любопытством поглядывали на мужчин и мальчика, сопровождавших хозяйку, все молчали. Только Флоренс спросила:

– Поставить дополнительные приборы за ужином? Приготовить комнаты?

– И то и другое, – велела Маргарет. – Я пригласила гостей.

Флоренс кивнула и, наклонившись ближе, прошептала:

– Это тот, о ком я думаю?

Она, разумеется, смотрела на Себастьяна. Так и не спешившись, он бесстрастно обозревал происходящее. И все же было в нем нечто зловещее, препятствующее более близкому знакомству и скорее всего обратившее бы в бегство большинство людей при первой же возможности.

Маргарет сама не понимала, что делает его таким… неприступным. Ее никак нельзя было упрекнуть в излишней робости, но даже она нервничала, когда оказывалась рядом с ним, поэтому можно было представить, как остальные на него реагировали. И сколько бы раз она ни беседовала с ним, ситуация легче не становилась.

Отведя Флоренс в сторону, Маргарет тихо ответила:

– Да, это он. Но пока ни слова об этом. Никому. Себастьян не хочет, чтобы кто-то знал о его возвращении, так что придется подчиниться.

– Даже его родные?

– Особенно его родные.

– Но в таком случае почему он вернулся? – удивилась Флоренс.

Маргарет, не отвечая, в упор смотрела на экономку, пока та не поняла.

– Ладно, – фыркнула она. – Держите все в тайне. Постараюсь, чтобы остальные молчали, если покажется, что кто-то его узнал. Впрочем, его уже, должно быть, успели забыть. Я сама едва вспомнила. Господи, как же он изменился!

Это еще слабо сказано!

Но Маргарет просто кивнула. Неприятно утаивать что-то от Флоренс! Она даже не объяснила подруге истинной причины поездки в Европу, потому что понимала: та непременно попытается ее отговорить. Раньше у Маргарет не имелось поводов быть скрытной. Осмотрительность не входила в список ее лучших черт. Скорее наоборот: Маргарет по природе была человеком прямым и откровенным, иногда на грани дерзости.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вот (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Ворон (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/uzhasno-skandalnyy-brak-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить